

Сергей Васильевич Самаров
Пепел острога
Серия «Гиперборейская скрижаль», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3954515
Гиперборейская скрижаль : Пепел острога / Сергей Самаров: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-58563-2

Аннотация

Самый мрачный, жестокий и драматичный период Средневековья. Вся Европа страдает от набегов диких скандинавских викингов, этих бездушных дикарей. Славяне, живущие по соседству с ними, – их полная противоположность. Они – венец духовного и нравственного развития. Они создают и приумножают истинные человеческие ценности, занимаются зодчеством, развивают культурное земледелие, берегут свои семьи. Но время от времени им приходится брать в руки мечи и копья и вставать могучей стеной на пути звероподобных викингов.

Дикари напали на острог русов в то время, когда воины, охраняющие его, ушли на ежегодный сбор дани. Викинги сожгли острог, перебили часть населения. Захваченных женщин и детей угнали в рабство. Вернувшиеся на пепелище славяне начинают искать своих родных и жестоко мстить врагу...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Самаров

Пепел острога

Пролог

Костер ярко горел, сильно потрескивал и пощелкивал, и в ночное небо при каждом новом щелчке взвивались снопы искр. Чуть в стороне от большого костра горело несколько костров поменьше, и все они подражали большому, все они свои искры посылали ввысь.

Тишина полной не была, часто нарушалась. Даже если люди сами не производят большого шума, они своим присутствием будоражат ночную природу. И шумит она. Особенно стараются ночные цикады, беспокойные от огня костров. И ночные птицы то в одной, то в другой стороне издают свои визгливые пронзительные крики. Ночные птицы всегда почему-то кричат визгливо. Но люди беречь тишину и не старались.

Золоченые драконы на носгах трех больших драккаров, вытащенных далеко на песчаную косу, сверкали в свете костров кроваво-красными хищными отливами. Но аппетит драконов был, видимо, удовлетворен раньше, и потому отблески казались слегка спящими, какими и положено им было быть в сытой ночи. А об удовлетворенном аппетите время от времени напоминал женский или детский плач, доносящийся из чрева прожорливых драконов, то есть из самих драккаров. Такой же плач порой раздавался и от костра, горящего в стороне, в дальнем конце песчаной косы. Часть пленников была еще на берегу, под присмотром диковатых воинов, носящих поверх доспехов лохматые шкуры и прикрывающих головы рогатыми шлемами. Эти воины ногами, кулаками, а то и рукоятками мечей или черенками топоров подталкивали женщин и детей ближе к большому костру, где кузнец заклепывал у них на шеях металлические ошейники рабов, через кольца которых продевалась цепь. Мужчин среди пленников не было ни одного. Те мужчины, что встретились воинам в этой земле, погибли достойно, до последнего вздоха и до последнего удара защищая свои и соседские дома, но было их слишком мало, чтобы они смогли все же эти дома защитить. Теперь место их гибели и ночную стоянку пришельцев разделяло уже дневное расстояние. И пленников, которых раньше на драккары просто согнали, следовало уже скрепить цепью, чтобы исключить возможность побега. Это было дело хлопотное, но обязательное.

Большая часть воинов, приплывших на драккарах, уже спала, устроившись вокруг костров или прямо на берегу. Неприхотливые, сильные и презирающие удобства, они могли устроиться где угодно и в любых условиях, и только рогатые шлемы, часто помятые мечами врагов, бросали рядом с собой прямо на землю. Доспехи, выполняя команду, в этот раз никто не снял, потому что от сожженного накануне острога было слишком недалеко, и туда вот-вот могли подойти местные воины, которые наверняка бросятся в погоню, если, конечно, смогут, потому что их там тоже поджидают жаждущие крови и алчные до нее мечи, копья и топоры. Но кто знает, как поведут себя обиженные местные жители и какой дорогой они подойдут к месту, которое еще недавно было их домом. Они могут и избежать встречи с засадой. И тогда будут в состоянии отправиться в погоню. И даже берегом, сокращая путь, а не по реке, делающей здесь своим руслом большую излучину. Местные скорые пути местным жителям хорошо знакомы. И потому прозвучал приказ ярла – спать в доспехах. Это, впрочем, привычное для набегов состояние, и приказ ни у кого не вызвал удивления. Воинам не нужно было никакого укрытия, и ночевка на свежем воздухе была для них делом обычным. Даже в открытом море, где ночные туманы никогда тепла не несут, они спали, укрываясь только шкурами, надетыми поверх доспехов, и устроившись в тесноте драккара. А здесь можно было и ноги вытянуть, и даже место найти помягче, на траве или на песке.

На берегу, чуть в стороне от драккаров, стояла только пара остроконечных палаток-шатров. Первый шатер, красный и расшитый золотым животным орнаментом, любимым скандинавами, тоже светился в отблесках костра и был чем-то схожим с носами драккаров. Второй шатер, синий, без орнаментов, скучно стоял в стороне от всех, и даже от костра в стороне, и потому в ночи казался полностью черным. Но если у первого перед входом расположились двое полностью вооруженных часовых, хмуро смотрящих окрест из-под рогатых шлемов, то у синего шатра не было никого, и даже воины не устроились на ночь рядом по каким-то непонятным непосвященному причинам, старательно выдерживая дистанцию от этого места.

В самом синем шатре горел медный походный очаг, выставаемый на металлической треноге, и свет этого очага красно-желтой неровной и неверной полосой выходил из-под полога и ложился на серый песок берега. Время от времени какая-то тень перекрывала полосу света, и было понятно, что по шатру кто-то ходит. Наконец полог слегка отодвинулся под чьей-то рукой, и в ночь посмотрело немолодое темное лицо с бритым до синевы подбородком, что отличало это лицо от лиц всех усypавших берег бородатых воинов.

– Эй, кто там есть поблизости... – крикнул человек властно.

Но, несмотря на властность тона, никто на его зов не отозвался. И тогда хозяин шатра просто махнул рукой в сторону лежащих на земле человеческих фигур, и тут же один из воинов вскочил, словно от сильного удара, и стал озираться по сторонам, и даже руку на рукоятку меча положил.

– Это я тебя зову... – сказал человек из шатра. – Приведи ко мне конунга... И быстро...

Воин знал, что такие приказы следует выполнять незамедлительно, и побежал, тяжело ступая по вязкому песку к красному золоченому шатру, где сказал что-то воинам у входа. Один из часовых тут же громко кашлянул, предупреждая, и, только выждав несколько мгновений, не отгибая полог, сказал десяток негромких слов. Но заходить в шатер не решился.

Из шатра что-то тихо ответили. А еще через мгновение красный полог отогнулся полностью, показывая, что очаг горел и здесь, и в ночь выступил высокий немолодой воин в богатых византийских доспехах, блеснувших в свете костра затейливым позолоченным узором. Длинные соломенного цвета волосы прямыми линиями спускались воину на плечи и не закрывали лица, отчего под бликами недалекого костра сразу красным светом озарился обезображивающий лицо шрам, проходящий через глаз и глубоко рассекающий щеку. Воин видеть мог только одним глазом, но его самого, привычного к этому, собственное уродство ничуть не смущало, а до других ему было дела мало. Единственный глаз светился холодным стальным высокомерием и презрением ко всему окружающему, что при свете костра, делающего черты лица более острыми, было заметно даже лучше, чем при дневном освещении.

Где-то в небе над лагерем опять противно и визгливо прокричала ночная охотница сова. Но пожилой воин в небо не посмотрел, он к таким звукам привык и не считал нужным обращать внимание ни на что, кроме звона оружия или золотых и серебряных монет, к чему имел некоторое пристрастие.

Не задерживаясь в лагере и даже не интересуясь, что там происходит, воин напрямую прошел к синему шатру и, осознавая свой сан, вошел в него без предупреждения. Хозяин шатра, сидящий на медвежьей шкуре перед несколькими раскрытыми книгами с толстыми пергаментными страницами, уже ждал ночного гостя. Однако не проявил к нему особого почтения, какое проявляли простые воины, и жестом предложил конунгу сесть на другие шкуры, брошенные рядом. Воин сначала сел, потом даже прилег на локоть и с отвращением отодвинул от себя ближайшую из тяжелых книг, словно она своим запахом, слегка отдающим тленом, отравляла ему дыхание. Книги были и в самом деле ветхими и имели собственный непонятный для воина запах. Ноздри воина больше привыкли к запаху пота и крови, а все

другие запахи он презирал, как презирал крик совы, потому что ее охота не могла сравниться по своему размаху с его охотой и ее добыча не шла в сравнение с добычей его.

– И что ты, Гунналуг, мне скажешь? Как там дела обстоят?

Тот, кого называли Гунналугом, человек с бритым подбородком, усмехнулся:

– Я скажу, ярл, что тебя ждут, видимо, осложнения... Твои три драккара проплутали в тумане и не успели перекрыть вовремя устье Ловати. И сейчас мальчишка уже подплывает к месту...

– Ты уже не зовешь меня конунгом? – спросил воин с легким укором, и его единственный глаз при этом слегка сощурился, показывая недовольство.

– Если мальчишка с мечом вернется вовремя, конунгом станет он, а ты, Торольф Одноглазый, как и прежде, останешься ярлом, хотя и более известным, чем конунг. Но перед воинами я все равно продолжаю звать тебя конунгом, в надежде звуком слова привлечь действие. Так иногда случается. Подобное притягивается подобным. Но ты сам слышал, как я тебя зову...

– Я так понимаю, что мальчишке еще необходимо успеть вернуться, – возразил Торольф, возвращаясь к словам Гунналуга. – А времени ему отпущено мало.

– Когда драккаром командует такой опытный человек, как ярл Фраварад, они успеют. Дядя не пожалеет для племянника ни сил, ни средств и доставит его, куда следует, вовремя. Быть дядей конунга не только почетно, но и выгодно. Фраварад своего не упустит, как всякий грек...

– Если они все же проскользнули мимо моих драккаров... – криво усмехнулся Одноглазый. – Пропустив их туда, драккары могут не пропустить их в обратную сторону.

– Могут... – согласился Гунналуг. – А могут и пропустить... Например, в темную ночь, когда в небе тучи низкие и звезд не видно. Фраварад в любую погоду плыть не побоится и даже будет ждать именно скверной погоды. Ярл прекрасно понимает, в чем его спасение. И вообще из Ловати выплыть можно в любом месте, там столько речных рукавов, что легко заплутать. Если бы ты совершал набег туда, ты бы знал это хорошо...

Гунналуг протянул руку, взял из кожаного мешочка щепотку какого-то остро ипряно пахнущего серого порошка и, рассыпая его в воздухе, нарисовал треугольник. Порошок, только расставаясь с пальцами, сразу загорался, но не падал, и горящий треугольник остался висеть, словно невидимые нити держали его.

– Видишь?

Ярл смотрел внимательно до рези в единственном глазу.

– Ничего не вижу. Ты, колдун, опять забываешь, что одним глазам смотреть гораздо хуже, чем двумя... Я ни разу не смог увидеть того, что ты показываешь...

– Это потому, что ты пытаешься этим единственным глазом и смотреть. А смотреть следует третьим глазом, который у тебя в глубине головы... Но тебя учить бесполезно, ты уже не молод, да и вообще к учению способен мало. Твое дело – держать меч...

– Тогда скажи сам...

– Мальчишка в городище Огненной Собаки... Он может вернуться...

– Это твое предсказание? Он вернется?

– Оставь предсказания для безграмотных гадателей, – довольно властно и почти грубо сказал Гунналуг. – Я, в отличие от них, знаю, что каждому человеку дается множество путей, и все зависит от того, какой путь он выберет. Но он может вернуться... У него достаточно шансов, чтобы вернуться. А у нас есть шансы ему помешать, хотя у нас этих шансов меньше...

– Я приказал драккарам караулить...

– Это хорошо. Но я хочу принять и свои меры. Там сейчас неподалеку, по той же Ловати, уже прошел волоки и плывет драккар Дома Синего Ворона. На драккаре есть колдун,

который сможет принять мое послание и выполнить мою просьбу. Он многим мне обязан и уважает меня. И ярл, что плывет там, мне подчинится. Главное, чтобы просьба долетела вовремя, и драккар сумел добраться до места. Эй-й-й!..

Колдун крикнул, как каркнул. И тут же за одним из боковых пологов, разделяющих шатер на маленькие помещения, раздалось громкое карканье. Настоящее, птичье.

– Ты все слышал, что я подумал? – спросил Гунналуг.

За пологом каркнули еще раз.

– Тогда лети...

Колдун потянул за какой-то шнур, спускающийся по боковому пологу, и, видимо, открыл окно. Раздался удаляющийся звук громко рассекающих воздух крыльев. Гунналуг удовлетворенно отпустил шнур и небрежно махнул рукой в сторону все еще горящего в воздухе магического треугольника. Треугольник тут же погас, и на кожу осыпался белый пепел.

– А ты не можешь увидеть, где твой драккар находится? Хотелось бы знать лучше... Я не юноша, чтобы гореть волнением, но мое состояние понятно тебе...

Колдун громко вздохнул.

– Конечно могу. Магический огненный треугольник покажет все. Но это пока лишнее. Умная птица свое дело и так сделает. – И продолжил зловещим шепотом, похожим на жалобу, совсем не вяжущуюся с его недавним властным тоном: – А я и без этого слишком много сил потерял... И кто-то мне мешает... Я чувствую, что кто-то следит за нами... Следит неотступно, надоедливо... Но не могу никак определить... И он, как паук, мои мысли паутиной обматывает и путает... Лишает их точности... А нам еще долго домой добираться. И не хотелось бы попусту силы растрчивать. Помехи со стороны беспокоят меня. Если их не пресечь, я не смогу ничего сделать, когда потребуется...

– Может, эта... – кивнул Торольф Одноглазый в сторону второго полога, бокового.

Гунналуг самодовольно усмехнулся:

– Я накрыл ее волшебной сетью. – Теперь его голос звучал по-прежнему уверенно. – Она не сможет помешать мне без своей книги... Без моей то есть последней книги... У нее не хватит сил... Под сетью она простым человеком стала...

– А треугольник не может показать тебе, где находится книга?

– Всевода закрыла информацию. Это умеет сделать любой ученик колдуна. Чтобы закрыть информацию, даже колдуном быть не обязательно. Нужно только знать несколько слов. Неужели ты думаешь, что я не пробовал. Пробовал много раз... Да и сама книга в состоянии информацию о себе закрывать, и она всегда это делала. Иначе я не искал бы ее столько лет. И не возился бы с этой женщиной.

– Не уйдет? Женщина, я спрашиваю, не уйдет?

– Не уйдет. Мне есть, чем держать ее... – Гунналуг вытащил из-под своего темно-синего плаща-савана обыкновенный небольшой нож, простенький, никак не украшенный, посмотрел на него сам и показал. – Это надежнее любых оков держит. Пока нож у меня, она даже не попытается уйти... В этом ноже – человеческая жизнь ее старшей дочери...

– А младшая ее девчонка тоже под сетью?

– Нет смысла еще и на это силы тратить. Девчонка ничего не может. Мать – ведунья. Девчонка – никто... Я первую сеть делал, от обессиленности сознание терял... На вторую меня просто не хватило бы...

– А убежать... – начал было ярл. – Девчонка не убежит?

– Она никогда не бросит мать. Это исключено. А убежит – не жалко...

– Но кто же тогда тебе мешает? Кто смеет состязаться с тобой в могуществе? – Одноглазый Торольф тоже показал, что умеет издеваться и мстить колдуну за недавнюю власть. – Ты, помнится, уверял, что колдуна сильнее тебя найти трудно.

Колдун на мгновение окостенел взглядом, словно в какие-то глубины посматривал. И замер надолго, словно чего-то дожидался. Может быть, внутреннего ответа на свои мысли, может быть, внешней подсказки на заданный изнутри вопрос. Простому человеку колдовские мысли прочесть невозможно. Потом головой мотнул, будто наваждение сбрасывая. И заговорил, сам в свои слова вдумываясь, и говорил одновременно Торольфу Одноглазому и самому себе, чтобы еще раз оценить то, что сделано, и попытаться понять, что следует сделать дополнительно.

– Трудно найти. Но поискать можно. Я уже и нити связующие ловил, тянул, с осторожностью тянул, а они рвутся. Тонкие, как паутина. Я пробовал поймать его образ, несколько хитрых ловушек выставил. Кажется, что-то вышло, хотя я не уверен. Только один раз промелькнуло, не зацепившись, и это могло быть случайностью. Ты, наверное, сам его помнишь. Когда плыли к острогу... Селение на берегу. Там был шаман. Вот, опять. Я опять нить какую-то едва заметную чувствую. К нему... Шаман – это не колдун, у него свои техники. Не всегда мне понятные, и потому я не знаю, как с ними бороться. И не знаю даже, нужно ли с ними бороться, потому что эта нить может быть простой мыслью-воспоминанием, в которой я присутствую. Но мыслью сильной, напичканной эмоциями. Тогда она пустая, не нужная мне, а я силы на нее трачу, вытягивая и пытаюсь вникнуть. А сил все меньше...

– Ты же, помнится, убил его! Так мне говорили воины.

Колдун величественно головой помотал, показывая отрицание.

– Специально я этого не делал. Я просто бросил его в вихрь, чтобы смять и изломать. Небрежно. А потом твои воины не нашли его тело. Но из вихря, я знаю, практически невозможно выбраться живым. Он может мстить только из верхнего мира. Я отдохну и справлюсь с ним. Если только это он. Хотя...

– Что?

– Если он сразу из вихря вышел в верхний мир, а потом вернулся в тело, он мог и спастись. Все шаманы, слышал я, умеют выходить из тела. Это основа их искусства. Главное, чтобы тело дождалось их в неприкосновенности. Мог остаться в живых и этот... У шаманов свои приемы, многие из которых простым колдунам недоступны. И бороться с ними обычными методами бесполезно. Они ставят какие-то дикие защиты, и даже я со своим опытом с трудом эти защиты преодолеваю. Но я все равно преодолею. Это только вопрос времени. Но у шаманов есть другое оружие – они умеют быстро обращаться. Из человека в животное или птицу, потом в другую птицу, и так до бесконечности. Это очень древнее искусство, одно из самых древних магических искусств. И все методы там отточены. Хотя и это умение тоже имеет слабое звено. Всегда есть возможность разрубить серебряный шнур.

– Серебряный шнур? – не понял Торольф Одноглазый.

– Да... Шнур, который соединяет человека в верхнем мире с оставленным на земле телом. Этот шнур можно увидеть только из верхнего мира. Но и в этом мире можно перерубить пространство позади образа, принятого шаманом. Но это мои проблемы. Ты все равно ничего не поймешь, и потому не буду рассказывать.

– Пусть так. Конечно не пойму, – сказал ярл, как отмахнулся. – Но ты и про наши заботы не забудь. Мы сами-то хоть успеваем вовремя? – У Торольфа накопилось немало своих вопросов, самых насущных, и он не желал вникать в размышления колдуна о вещах, которые воина и вождя никак касаться не могли. Он в действительности не понимал этих проблем и вдумываться в них, голову себе ломать не хотел. Это дело колдуна, и справиться со своими делами он должен самостоятельно, собственными талантами и искусствами. А помимо этого должен справиться и с другими делами, человеческими, которые обещал разрешить. Пусть колдун хоть в десять раз больше жалуется на усталость и потерю сил. Но дело он, если сам вызвался, сделать должен. А вызвался он именно сам.

– Как только начнет светать, надо плыть.

Ярл отогнул входной полог.

– Светать уже начинается.

– Тогда поднимай людей. Проклятье на эту землю! Была бы у меня последняя из семи скрижалей, – колдун наложил руки на шесть разложенных перед ним книг, – я мигом отправил бы нас всех на место прямо по облакам, как летали древние гипербореи... Седьмая книга самая главная, седьмая скрижаль – в ней все ключи...

Голос его при этом звучал возбужденно и даже слегка истерично, словно он обвинял кого-то в том, что книги, той самой седьмой скрижали, у него нет, и он не может добиться того, к чему всю жизнь стремился. И боль в голосе чувствовалась, и обида, хотя Торольфу Одноглазому было не совсем понятно, на кого Гунналуг обижается.

– Ну, хотя бы просто сильный попутный ветер ты сможешь сделать?

– Я не совсем еще обессилел, – резко остыв от своей вспышки, сказал Гунналуг с усмешкой. – Я даже вспомню то, что никогда не делал, но знаю, что это сделать можно. Я попробую время на пару дней сократить. Тогда мы успеем, но тогда, учти, ярл, нас твой сын догнать не сможет. А с ним полторы сотни воинов, которые тебе очень могут понадобиться.

– Может, даже лучше, если Снорри опоздает... Его воины могут пойти не за мной, а за ним. Это отребье, которое он собрал с разных вигов¹ Норвегии и Швеции.

– Его воины пойдут туда, куда я прикажу... – твердо сказал колдун. – Будь то шведы или норвеги... Но особенно это касается шведов, среди которых мой Дом Синего Ворона является не последней величиной, а мое имя... Ты сам знаешь... Да и твои соотечественники мое слово мимо ушей не пропускают. Спускай лодки на воду. Я сокращу время... Но не больше, чем на двое суток... И на это-то у меня многие силы уйдут...

И Гунналуг вдруг резко взмахнул скрытыми под синим плащом руками, как ворон крыльями, и тут же с улицы раздалось карканье ворона.

– Вот, ко мне еще гонец прилетел. Я послушаю, что он мне скажет, а ты иди, ярл, занимайся делом, чтобы стать тебе в конце концов конунгом. Пора бы уже...

Торольф Одноглазый встал, чтобы встретить второго ворона...

* * *

Тем временем первый ворон летел с высокой скоростью, этой тяжелой птице вообще-то не свойственной, но направление держал точно, хорошо зная, куда ему лететь. Воздух равномерно свистел под каждым взмахом его могучих крыльев. Ворон не знал здешних земель. Он знал только направление, которое дал ему колдун, чтобы попасть на Ильмень-море. А там уже можно было найти нужную реку, в Ильмень-море впадающую. Ворон летел и думал так, как не умеют думать простые птицы, поскольку он был птицей не простой, а рукотворной, и принявшей в себя каплю крови самого колдуна, а вместе с этой каплей крови и частицу его разума и сознания. И, когда ворон думал, одновременно с ним думал частицей своего сознания и сам Гунналуг...

¹ **Вик** – обычно деревня на берегу фьорда, жители которой принадлежали к одному роду. Отсюда, по мнению некоторых исследователей, произошло слово «викинг». Так первоначально называли просто жителей прибрежных деревень. Позже это название приобрело смысл, с которым вошло в историю, поскольку отряды викингов формировались как раз из прибрежных жителей.

Глава 1

– Налегай, налегай на весла... – зычно и грубо пробасил ярл Фраварад. – Дружно... Разом...

Голос у него веский, привыкший отдавать команды так, чтобы даже морской крепкий ветер перекричать и при этом не показать натугу и надсадность. А уж в морском сражении без такого голоса вообще не обойтись. Человек, такого голоса не имеющий, и командовать не сможет, когда кругом оружие и доспехи гремят, когда хрипы и стоны раненых мешаются с яростными воплями еще способных драться. Но даже вне сражения привычка повелевать в голосе чувствуется отчетливо.

– Далеко ль еще, дядя? – спросил высокий, стройный, но широкоплечий юноша в незамысловатой и даже внешне слегка простоватой и строгой никак не украшенной одежде, хотя и сшитой из добротных дорогих тканей. Юноша стоял рядом с ярлом на носу драккара, опершись рукой о золоченую фигуру головы дракона, и всматривался в берег.

– Я в Гардарике² без малого двадцать лет не был. Не соображу сразу... Кьотви, помнится, говорил, что если идти без ветра, то к концу третьего дня от Ильмень-моря будем на месте... А твой отец всегда умел измерять расстояния. Ветра на Ловати не было. Значит, вот-вот...

– А если ветер будет встречный?

– Здесь ветер всегда и только бывает встречным. Он обязательно по течению реки дует... Не знаю, чем это вызвано. Может, какое-то славянское колдовство, чтобы враги к ним под парусами быстро не подошли. Хотя здесь, в основном, купцы плавают, а им этот ветер должен быть в помощь... По соседним рекам как Один³ положит, так и дует. И не знаешь, откуда придет. А здесь – не сомневайся... Ветер здесь всегда идет вдоль по руслу, и это нам следует обязательно учитывать. Да пошлют нам его боги на обратный путь...

Ветра почти не было на всем протяжении реки, а тот, что чуть шевелил волосы на нечесанных головах и в рыжеватых, всклокоченных бородах гребцов, им, привыкшим к крепким океанским ветрам, даже ветром назвать было сложно. Так – ветерок безобидный... Да и шелто этот ветерок сбоку, от непролазных лесов, не способный ни подогнать, ни остановить даже средний по размерам двадцатирумный⁴ драккар, и потому парус распускать смысла не было. Но в этот день необходимо было добраться до места, и потому ярл Фраварад спешил и гребцов подгонял уже не в первый раз. Он загодя рассчитывал весь предстоящий путь по дням, и ему очень важно было не ошибиться, иначе они могли бы опоздать на выборы нового конунга. А в случае опоздания и вся эта поездка, возможно, теряла бы смысл, потому что повернуть свершившееся событие вспять – то же самое, что пытаться реку заставить идти против течения. В принципе, возможно, но стоит большого труда. Там надо большую запруду возводить, а здесь – жестокую войну вести. А войну вести можно было и без этого долгого и небезопасного плавания. Что запруда, что война... Одно другого стоит, при этом неизвестно, каков будет результат. Даже если всерьез задуматься, при возведении плотины результат чаще бывает более предсказуемым. Был бы жив конунг Кьотви, никто не смог бы

² **Гардарика** – буквально, страна городов. Так древние скандинавы, сами городов почти не строившие, называли Русь, удивляющую их большим количеством городов и городищ.

³ **Один** – верховный Бог скандинавского пантеона, у германских племен носил имя Вотана, хотя являлся, по сути дела, тождественным первому.

⁴ **Двадцатирумный** – рум, единица измерения количества весел на драккаре, слово «рум» буквально переводится со староскандинавского как «место». Двадцатирумный – двадцативесельный. Самые большие драккары, известные по результатам археологических раскопок, были тридцатипятирумными, способными нести до 150 воинов. В скандинавских сагах несколько раз упоминаются сорокарумные драккары, но археологическими данными это пока не подтверждается.

усомниться в результате войны. Без Кьотви же у людей веры пока было мало, а результат войны почти всегда больше чем наполовину зависит от веры людей в того, кто их поведет в сражение. Удача, если к человеку привяжется, то надолго. Кьотви многие годы с ней жил дружно, и только в последний момент жизни она отвернулась. Вражья стрела пробила грудь, и после пяти дней молчаливых страданий Кьотви не стало. Но если бы Кьотви был жив, то и вести войну причины не возникло бы. Заколдованный круг, где все повязано. И выйти из круга можно только энергичными, но обязательно продуманными действиями. И именно эти действия вызвался предпринять ярл Фраварад ради своего племянника, чью руку многие считали слишком мягкой, чтобы с ней всерьез считаться. Впрочем, сам-то ярл хорошо знал, как они ошибаются, и внешняя мягкость племянника отнюдь не является мягкотелостью. Потомок суровых правителей, с детства воспитанный с мечом в руке, не мог вырасти мягкотелым. Нрава и характера ему хватает, а твердость руки приходит с возрастом. Но и сейчас Ансгар руку имеет не самую слабую. Дядя это хорошо знал, потому что сам порой давал юноше уроки боевого мечного искусства, которые тот впитывал с любовью, как всякий воин во многих уже поколениях и наследник четвертого колена титула конунга. Да и конунг Кьотви внимания сыну уделял достаточно, желая подготовить себе достойную смену. Только до конца довести дело не успел...

Солнце клонилось к закату и уже задевало верхушку леса на другом берегу, отчего стройные и рослые ели золотились и казались слегка оплавленными по верхним нераскидистым лапам. В этих краях, в отличие от родных полуночных земель, ночь даже летом наступает быстро и рано, и поторопиться стоило, чтобы не рисковать в темноте врезаться в берег. Незнакомая река всегда таит угрозу не меньшую, если не большую, чем коварное море, и это знают все, кто отправлялся в плавание по рекам. Но в их случае и спрашивать совета ни у кого не нужно, стоит только по сторонам посмотреть, и все станет понятно. На берегу то в одном, то в другом месте, особенно почему-то на поворотах русла, заметны были острые каменные россыпи, которые, при высокой скорости, могут тонкое дно драккара полностью проломить. Скорее всего, эти каменные россыпи вымываются разбежавшейся водой, оттого и видно их именно на поворотах. А в других местах их только тонкий слой ила покрывает, и это тоже опасно, потому что ил корпусом лодки прорезается, а потом уже идет соприкосновение с камнями.

Река Ловать, по которой они плыли, была в этих местах не широкой и не глубокой, и два других драккара, встав рядом с уже плывущим, едва ли поместились бы здесь и уж обязательно обломали бы себе весла об упавшие в воду стволы деревьев, чьи корни вода без стеснения подмыла. Деревья еще жили, цеплялись за почву и пытались высосать из нее силы, чтобы подняться, но ни одно еще не поднялось – река была сильнее леса, так неосторожно и самоуверенно к ней подступившего. Плавать вдоль таких берегов следовало с опасливой приглядкой. К тому же поворот русла следовал за поворотом, и это мешало развить постоянную скорость. Приходилось заставлять гребцов то красного, то синего борта стопорить весла и так помогать кормчему, ворочающему тяжелым правящим веслом, совершить поворот.

Ельник по левому берегу реки кончился сразу за очередным резким изгибом русла, словно упал, а срубленный и вытянутый вдоль берега деревянный сторожевой острожек, ошкуренными остроконечными бревнами тына возвышающийся над Ловатью достаточно близко от воды, показал, что цель в самом деле близка. На возвышенной смотровой площадке острожка из-за тына видны были несколько остроконечных шлемов стражи, наблюдающей за проплывающим мимо драккаром. Но никто не предпринимал враждебных действий, хотя изогнутые верхушки страшных славянских луков, от которых трудно было найти спасение, застыли уже в своем боевом вертикальном положении. Но было ясно, что это только обычная предосторожность, и тетиву пока еще никто не натянул. Надобности не возникло...

– Кажется, мы на месте... – с облегчением сказал ярл. – От острожка до городища Огненной Собаки, как говорил Кьотви, еще тысяча гребков. Значит, уже за следующим поворотом...

Он знал, почему береговая стража принимает их так спокойно. Ярл сам не надел доспехи и щит в руки не взял, хотя и имел на поясе меч, и гребцам своим запретил снаряжаться к бою. Они сюда не воевать приплыли и должны сразу показать это. И вообще, когда драккар идет с войной, на мачте выставляется красный щит, если с миром – то белый или же вообще никакого щита не выставляется, как в этот раз. Красный щит во время боевых действий – это обязательства чести воина. И позором будет покрыто имя того, кто начнет воевать с белым щитом или вообще без щита на мачте. А для воина, покрывшего свое имя позором, места у костра в Вальгалле нет, как нет его для убежавшего с поля боя. И одно, и другое носит единое имя – трусость...

И местные стражи поняли малоулыбчивых воинственных северян, которых далеко не всегда встречают ласково. И ярл Фраварад знал, что у местных жителей были к тому веские основания, но лично к нему они претензий иметь не должны были, потому что он свои набеги в последние годы совершал намного закатнее⁵ этих земель. Но даже в том, как их приняла стража, ярл почувствовал спокойную уверенность славян-русов в своих силах. Городище Огненной Собаки, стоящее на популярном пути из полуночных стран в полуденные, набегов не боялось, и не только потому, что постоять за себя умело, и это знали все, но и потому, что за это городище было кому постоять и без оружия. И это тоже все знали, и не многие готовы были что-то противопоставить колдовству славянских волхвов и ведунов, которых в городище, как говорили люди знающие, было много...

* * *

На бревенчатом, почерневшем от времени и от постоянного соприкосновения с водой причале, срубленном из небоящейся сырости осины, судно уже встречали. В Норвегии не умели строить причалы и даже не учились этому, потому что не видели в них надобности. Там драккары становились носом или кормой к берегу, подтягивались веревками, чтобы волна не унесла их, глубже в берег, и это считалось нормальным и привычным. И потому не сразу стало понятно, как лучше встать, чтобы не поломать весла. Но им помогали. Какой-то человек махал одной рукой, словно радостно приветствовал и к себе подзывал, а во второй руке уже держал толстую веревку, готовясь бросить ее тому, кто будет принимать. Человек этот что-то говорил на своем языке, но слова разобрать было трудно. Чуть дальше, на другой части причала, другой человек тоже рукой махал, к себе подзывая. Каждый, наверное, надеялся заработать на гостях.

Ярл выбрал тот причал, что ближе.

– В лодку весла! – скомандовал Фраварад.

И весла красного борта сразу ушли в весельные окна так глубоко, что снаружи остались только плоские струганные топором лопасти, с которых каплями стекала вода. С причала тут же полетела веревка, ее на драккаре приняли, подтянули сначала нос, закрепили, потом той же веревкой, за неимением запасной, бросив ее на причал, подтянули корму.

Не каждое городище даже в здешних местах имеет такой причал, хотя славяне-русы любят и умеют строить из дерева. Многие, однако, считали, что любое судно, пришедшее по реке, может, как драккар, просто носом в береговой песок уткнуться, и этого будет достаточно, чтобы пробросить на берег трап. Но здесь, на популярном водном пути, суда принимали часто, загружали и разгружали их, а на бревенчатый причал можно было заехать на

⁵ Закатнее – западнее.

телеге, чтобы сразу перекладывать туда или же оттуда доставленный груз. Ярл видел, что две такие телеги уже тащили в гору сильные быки, крупными рогатыми головами и белой полосой вдоль хребта похожие на диких туров. Но чтобы какой-то народ сумел приручить диких туров и заставил их работать, такого ярл еще не встречал. Скорее, это была такая порода крупных местных волов.

У других причалов, по всей их длине, к их прибытию уже стояло четыре округлые славянские ладьи и один драккар. Драккар большой, тридцатирумный, с наращенным бортом, по которому были развешаны боевые щиты гребцов-воинов, и его присутствие ярлу совсем не понравилось. Он лучше местных жителей знал, что такие большие многовесельные драккары строят не для купцов и гонцов, а для войны, для морских сражений и набегов⁶. На таком драккаре уже и палуба может быть, в отличие от двадцатирумного, а под палубой обычно спят воины, и иногда даже стоят лошади, которых на средний двадцатирумный и, тем более, на легкий не поставишь.

— Ансгар, — позвал ярл юношу, что стоял с ним на носу. — Спроси у этого человека, кто приплыл на том драккаре.

Юноша владел языком местных жителей хотя и не в совершенстве, но объясняться мог свободно. Его учила мать, сестра ярла Фраварада, книжница и знаток многих языков, унаследовавшая свои знания от собственной матери. А их мать была по происхождению гречанка, и привез ее в страну отец Фраварада, служивший в молодости в личной охране византийского императора. Мать Ансгара специально, чтобы сын умел общаться со славянами, ближайшими соседями скандинавов, приставила к нему славянского пленника, привезенного откуда-то из набега конунгом Кьотви. А потом Ансгар сам путешествовал и с отцом, и с дядей, и несколько раз посещал славянские приморские поселения, где имел неплохую практику разговора.

— Он говорит, что это дикари свеи⁷ приплыли с верховья Ловати, от волоков. Второй день здесь стоят. Покупают вареную соль...

Фраварад усмехнулся горько. Он знал давно, что славяне, как и германцы, и греки, и италийцы, зовут дикарями и варварами и данов⁸, и шведов, и норвежцев, практически не знающих и не уважающих другого труда, кроме военного, и почти не строящих городов, которые на взгляд жителей полуночных стран являются только приманкой для врагов, желающих поживиться за чужой счет. Военные труды, какими бы благородными они ни считались, всегда связаны с набегами на другие страны. А тем, кто живет набегами и сжигает чужие города, свои города не слишком-то и нужны. К званию дикарей скандинавы давно привыкли. И вообще, что же делать, если скудные на дары, почти бесплодные северные земли не в состоянии прокормить всех, кто там живет, из-за слишком короткого лета? Приходится заниматься набегами и мириться со званием дикаря и варвара, и даже принимать их как достойный гордости титул. Таким образом, звание дикаря для скандинавов давно перестало быть оскорбительным, хотя лишний раз слышать его тоже было не слишком приятно.

Впрочем, это было не главным в услышанном. Вот боевой драккар, прибывший сюда за солью, вызвал у ярла явное и однозначное недоумение. Конечно, шведам и своей соли должно было бы хватить, хотя вареная соль ценится в десять раз дороже шведской каменной. Если брать основательный груз вареной соли для продажи, можно неплохо заработать. Правда, те, кто зарабатывает себе на жизнь торговлей, обычно не плавают на боевых драккарах. Но, может быть, это просто попутное дело. Даже у воинов, если воины любят наби-

⁶ Купцы старались максимально сократить экипаж, чтобы судно вместило больше товара, и потому уменьшали количество гребцов, располагая весла спереди и сзади и оставляя середину свободной, в то время как боевые драккары имели весла по всему борту. Наличие весельных окон сразу показывало, боевой это корабль или торговый.

⁷ Свеи — шведы.

⁸ Даны — датчане.

тый ларь больше тяжести меча, встречается иногда деловая хватка купца, не желающего упустить свою выгоду, какой мелкой она ни будь. И никому это не возбраняется, хотя с мешком соли труднее войти во врата Вальгаллы, чем с обнаженным оружием. Валькирии зорко следят, чтобы в чертог Одина попадали только достойные. Но задуматься над появлением здесь шведов именно в этот момент стоит.

– Человек спрашивает, зачем или с чем прибыли мы, – перевел Ансгар встречный вопрос, прозвучавший с причала. – Что ему ответить, ярл?

Ярл глянул на встречающего. Тот одет был не бедно, держался с достоинством, хотя при этом и старался показать свое услужливое гостеприимство, но взгляд имел умный и твердый, не часто свойственный человеку, чье дело другим угождать. Это явно не простой дворовый прислужник у хозяина причала. Такому, если прибыл с миром, следует, видимо, отвечать.

– Скажи прямо, у нас дела к кузнецу Даляте. Здесь уже можно, пожалуй, говорить...

Ансгар перевел. Встречающий согласно кивнул и задал следующий вопрос.

– Он спрашивает, долго ли мы намерены гостить в городище Огненной Собаки. Это не его праздное любопытство, потому что ему, как хозяину причала, следует знать, сколько мы будем стоять и когда освободится место для следующих гостей.

Ярл хмуро кашлянул в сжатый кулак.

– Я бы, клянусь Аском и Эмблей⁹, отплыл назад уже сегодня, но моим людям, как всем, сделанным из мяса, а не из камня, надо отдохнуть. Мы отплывем на рассвете. Сколько мы должны за это гостеприимство? – Фраварад спустился по трапу и постучал ногой по бревнам, показывая, что именно он называет «этим гостеприимством».

Хозяин причала назвал цену, не дожидаясь вопроса от Ансгара. Цена была смехотворно мала, но ярл Фраварад усмехнулся в длинные обвислые усы не цене. Человек, что встретил их на причале, в переводе, как оказалось, не нуждался и сам отлично знал скандинавские языки. Он просто рассчитывал выудить какие-то сведения своим притворным незнанием. Но нечаянно показал, что Ансгару можно было и не стараться, подыскивая правильные выражения.

Едва ярл рассчитался, как из-под причала, прямо между крайним бревном и бортом драккара, вынырнула откуда-то снизу короткая и сильно волосатая рука и схватила местного хозяина за сапог. Тот значительно хмыкнул, без слов наклонился и переложил две монетки в тут же раскрывшуюся руку. Только после этого какой-то мелкий то ли человек, то ли еще кто-то выпрыгнул на причал сам и помчался, стремительно перебирая короткими босыми ногами, к городищу Огненной Собаки. Со спины его можно было принять за мальчишку, но ярл успел рассмотреть почти скрытую плащом основательную бороду. Да и рука, что взяла монетки, была совсем не детской, а крупной и сильной, мозолистой.

– Кто это? – с удивлением спросил Ансгар, провожая странную фигуру взглядом.

Хозяин опять хмыкнул, пожал плечами и ответил спокойно:

– Причальный... Так... Не самая злая нелюдь... Под причалом живет, считает себя равноправным хозяином со всеми, кто причалы строил... Он и сам строить помогал, как мне еще дед рассказывал... Вот и делимся с нелюдью, чтоб беды не наслал. Беду наслать нелюдь легко может. Но и поладить с ним тоже легко. Хлюпом его кличут...

Нелюди в Скандинавии и своей хватало, и потому удивить воинов и мореплавателей чужой нелюдью было трудно. Но глазами ярл с племянником все же проводили Хлюпа до

⁹ Аск и Эмбля – Ясень и Ива, по верованиям древних скандинавов, верховный бог Один нашел на берегу эти две деревянные фигурки «бездыханные и лишенные судьбы» и сделал из них первых людей, от которых произошли все остальные люди. Сами древние скандинавы порой называли себя «аскменами», то есть людьми ясеня.

середины пути к городским воротам, где тот сел на какое-то деревянное сооружение непонятного назначения.

– Как нам пройти в кузницу Даляты? – спросил Ансар.

– Его дом над рекой, на самом высоком утесе стоит. Кузница во дворе дома. Войдите в городские ворота. Тропа вдоль городской стены прямо туда и выведет. Далята всегда на месте. В кузнице молоты от света до света стучат, и у вас до темноты времени хватит, чтобы трижды туда сходить...

В это время ярл, словно почувствовав что-то неприятное, поморщился и резко оглянулся. На носу шведского драккара стоял, опершись на длинный меч, отстегнутый от пояса, какой-то несуразно высоченный и худой человек в просторном и длинном синем плаще и спокойно смотрел в их сторону. Светлые волосы спадали с упрямо наклоненной головы на плечи, образуя грязноватые сосульки, слегка завивающиеся на концах. Белесые брови человека свел на переносице, отчего взгляд его был почти угрожающим. Никому, конечно, не запрещается смотреть туда, куда хочется. Тем более одному скандинаву в чужой славянской стороне смотреть на других скандинавов, приплывших туда же. Но было в этой фигуре что-то зловещее, и сам синий плащ напоминал крылья. Казалось, только ветер дунет, и человек превратится в синего ворона. А Дом Синего Ворона занимал земли на границе с норвежцами и всегда был враждебен конунгу Кьотви, хотя сам тоже частично, в основном по женской линии, имел норвежские корни. Но, может быть, именно благодаря этим корням и был враждебен, потому что родственники сильного шведского Дома тоже претендовали на титул конунга и были, можно сказать, прямыми соперниками соседей. А особенно это противостояние должно обостриться сейчас, после смерти конунга Кьотви...

Отвернувшись, ярл Фраварад сделал знак двоим людям со своего драккара, заранее предупрежденным и подготовившимся, следовать за собой. Те тоже доспехи не надели и свои щиты с борта драккара не сняли, но простые мечи по примеру ярла пристегнули к поясу. Ансар, конечно же, от ярла не отстал. И тоже пристегнул меч, выглядящий тяжеловатым для его юношеской руки. Но юношеские руки тоже могут иметь разную силу, и, если человек такой меч носит, значит, он может им владеть, иначе его и носить незачем.

Один из воинов сопровождения взвалил на плечо основательного веса меховой мешочек с чем-то звонко звякнувшим. Этот звук привлек внимание хозяина причала, и тот проводил гостей долгим взглядом. Соотнести объем мешка с ценой содержимого хозяин причала умел даже по звуку. А звон золотых монет он никогда бы не спутал со звоном монет серебряных или медных...

* * *

Хотя берег был крутым, дорога к городищу не была трудной за счет того, что извивалась змейкой, и большую часть пути подъем шел достаточно полого, пусть и имел чересчур много крутых поворотов. Однако эти повороты не сбивали дыхание, как сбил бы их прямой путь кверху, и не утомляли излишне ноги, и представлялись сложными для тяжелых телег, которые возили грузы или от причала, или к причалу.

Около странного деревянного сооружения, на котором сидел маленький нелюдь Хлюп, гости остановились.

– Это что, колодец? – спросил Ансар, показывая пальцем на деревянный сруб, видимо, частично заполненный водой. Из сруба выходила деревянная же труба, скованная медной позеленевшей неширокой полосой, и пускала струю в наполовину врытую в песок деревянную бочку, видимо, не имеющую дна, поскольку бочка никак не могла наполниться.

– Ой, не советую тебе пробовать воду из этого колодца... – весело засмеялся нелюдь. – Не то плохо будешь думать о русах из нашего городища, а они не любят, когда о них плохо думают. Когда гости о хозяевах думают плохо, от таких гостей не жди добра.

– Так что же это? – спросил все же юноша.

– Это сток... С городских ключей вода бежит, дома подмачивает, те гниют... Вот и сделали деревянный сток под землей, чтобы в городе сухо было. И с отхожих мест сюда же сливают... Чтобы в городе не пахло дурно¹⁰...

Удивившись такой ненужной, на его взгляд, вещи, Ансгар перевел слова нелюдя ярлу, понимающему только отдельные из них. Фраварад лишь плечами в недоумении пожал.

– Вот еще одна глупая забота, которую выдумывают себе люди, строящие города... Нет городов – нет проблем... Но даже если есть проблемы, зачем тратить еще и на строительство такой глупости... Пойдем...

Перед воротами в городище не было подъемного моста, их в те времена еще редко, где строили, за исключением Византии, хотя были и обязательный ров, заполненный доверху стоячей зеленой водой, отдающей затхлостью, и вал, постоянно содержащийся в порядке и нигде не осыпанный. Видно было, что местный воевода к своим обязанностям относился с серьезностью и на воинскую старательность полагался не меньше, чем на Огненную Собаку, которая, как поговаривали, могла сжечь взглядом целые полки врагов, на городище покусившихся. Трудно сказать, насколько эти рассказы были правдивы, но в том, что они не правдивы, мало кто пожелал удостовериться на своем примере. Убеждало то, что о силе Огненной Собаки рассказывали не местные жители, а люди совершенно посторонние, которым не было никакого смысла все это выдумывать и кого-то отпугивать. И если кто-то совершал набег в эти края, как многократно слышал Ансгар, то жгли и грабили городища, селища¹¹ и деревни в округе, не рискуя подходить под эти стены. И с самими воинами городища воевали многократно, но тоже вдалеке от этих стен, потому что Огненная Собака охраняла только их, считая своим логовом. Впрочем, об Огненной Собаке много еще чего рассказывали, во что верилось с трудом...

По другую сторону бревенчатого и присыпанного каменистой землей моста, перед самыми толстенными дубовыми воротами, и направо и налево, стояло два деревянных рубленых сооружения. Помосты не помосты, но что-то на помосты похожее, на каждом из которых, видимо, как символ и гордость городища Огненной Собаки, сидело по огромному лохматому рыжему псу, спокойно взирающему на дорогу. Псы были мощны, сильны, величественны, но, как отчего-то показалось вдруг Фравараду, даже при своих небывалых размерах они не выглядели страшными. Тем не менее слава городища Огненной Собаки никого из приезжих не заставила бы подойти и погладить этих красивых животных. Собаки олицетворяли собой не просто охрану, они олицетворяли магическую охрану. А против такой охраны трудно было бороться со стальным оружием в руках – это знал каждый воин. Но, как и русы из городища Огненной Собаки, эти псы сами по себе были совсем не агрессивны и даже слегка простоваты нравом, хотя, конечно же, горе постучало бы в дверь к тому, кто поднял бы на таких животных злую руку. Когда псы зевали, они показывали громадные клыки, способные, казалось, без проблем прокусить сталь. Фраварад держал у себя в вике целую

¹⁰ По данным археологов, раскопки развитой дренажной канализационной системы в Новгороде относятся к XI веку. Но это была уже не примитивная канава, а настоящая сливная канализация, охватывающая целые кварталы. Более простые варианты канализации, несомненно, существовали и раньше, и этим средневековые русские города приятно отличались от городов европейских. Так, например, Париж, не имеющий даже древнеримской знаменитой клоаки, вплоть до шестнадцатого века славился своим зловонием, и помой там выливали прямо на улицы.

¹¹ Городищем называли большое поселение, имеющее боевые укрепления. Селищем – поселение, таких укреплений не имеющее. Деревня, понятно, вообще никаких укреплений не имела.

стаю обычных для Скандинавии собак из Сведборга¹², которые напоминали собой волка и никакого зверя не боялись. Но его собаки сравниться с этими не могли даже внешне. Не хватало элементарной мощи, стати и благородства облика. Разница была такой же, как между воином и охотником, хотя каждый хорош в своем деле.

Коричневые псы не обратили внимания на прошедших в ворота ярла со спутниками, как не обращали внимания ни на кого другого. Не посмотрел на гостей и стражник, тихо вроде бы дремлющий с копьем в руках. Но стоило Ансгару коснуться пальцами копья, привлекая к себе внимание, как стражник рывкнул хриплым голосом и даже достаточно недружелюбно:

– Чего тебе надо, дикарь? Я тебе, кажется, мешаю? Мне с поста уйти?

Значит, смотрел и знает, кто проходит мимо него. А сонный вид – просто обман хитреца. Да и взгляд стражника казался достаточно хитрым и не сочетающимся с грубым голосом и тоном. Похоже было, что он просто пугал юношу.

– Скажи, добрый воин, – старательно не заметив грубость, вежливо обратился к нему Ансгар. – Эти... Рыжие... Это и есть Огненные Собаки?

– Воины добрыми не бывают. Это во-первых, и это навсегда запомни. А во-вторых, Огненные Собаки по городу не бродят, им и не нужно это. Они сидят в своем каменном доме и оттуда мыслью общаются с волхвами и с другими собаками. С любыми собаками в округе. Что прикажут, то собаки и сделают. Прикажут тебя найти, псы тебя вмиг по запаху сыщут и перекусят пополам... Бойся до конца дней своих, бойся Огненных Собак...

Стражник даже пальцем пригрозил. И Ансгар понял, что эти слова относятся не к нему лично, а ко всем скандинавам, давно уже оставившим о себе равное мнение во всех землях, где побывали, и даже там, куда пока не добирались.

Юноша, впрочем, не слишком испугался.

– А посмотреть Огненных Собак как можно? – спросил с хорошо наигранной наивностью и даже слегка улыбаясь.

– Можно и посмотреть, – значительно, словно с угрозой, пообещал стражник. – Только я не помню на своем веку чужестранца, который не сторел бы под их взглядом. Это дикарей особенно касается. Не советую...

Не зная, верить стражнику или не верить, юноша пожал плечами, усмехнулся и двинулся догонять ушедшего вперед ярла. Говоря честно, как всякий скандинав, Ансгар был осторожен в вопросах, связанных с миром сил неведомых, и предпочитал не настраивать их против себя, хотя полностью в такое их могущество верить тоже не хотелось. Тем более что сказано все было человеком с откровенно плутоватыми манерами. Однако предупреждение все же сработало. Потому Ансгар и не стал спрашивать стражника, где Огненную Собаку найти. Спросишь, привлечешь к себе ненужное и опасное внимание даже не со стороны стражника, а с какой-то неведомой стороны, которая праздного любопытства не любит. А у Ансгара и своих забот хватало, и вообще спрашивал он только для удовлетворения естественного возрастного любопытства, и не более. Навещать страшный символ городища в планы юноши вовсе не входило, да и времени на это у него не было...

¹² Древняя Скандинавия славилась двумя породами волкоподобных собак – из Маглемосе и Сведборга, – многократно упоминаемых в скандинавских сагах. Некоторые скандинавские патристически настроенные исследователи, причем не кинологи, а историки, пытались вывести линию происхождения самой рослой на сегодняшний день породы собак – ирландского волкодава – именно от этих животных. Но это неверное мнение, поскольку кинологами уже давно доказано, что ирландские волкодавы произошли от собак, завезенных в Ирландию римлянами.

* * *

Сразу за воротами четверо гостей городища, как и говорил им хозяин причала, свернули направо, где тропа круто взбиралась в гору и заставляла всех, кто пробовал здесь подняться, испытать силу своих легких. Ступеней в тропе не было, и это создавало дополнительные трудности.

– В дождь, сдастся мне, здесь вообще не подняться... – заметил Ансгар.

– В дождь, думаю, к кузнецу другим путем ходят, – ответил ярл Фраварад.

– Если есть другой путь, – недобро усмехнулся один из сопровождающих воинов. – А я в этом не уверен... Здешний народ не сообразит второй путь проложить...

Второй, старший, что нес на плече нелегкий, хотя и не слишком объемный меховой мешок, вытер локтем пот со лба и сказал серьезно, показывая свою простецкую мудрость:

– Не возводи на людей напраслину. Они свою жизнь всегда обустроят. А без другого пути здесь никак не обойтись. В кузницу и железо, и руду, и уголь возят. Не по этой же горе. Здесь ни один бык телегу не протащит. Никак без другого пути не обойтись.

Первым шел ярл, помогая себе при подъеме руками, упертыми в колени, за ним Ансгар, которому мешал длинный меч, цепляющийся за ноги, за юношей следовали два воина. И только один Ансгар из всей группы дышал почти ровно, показывая свое природное юношеское здоровье. Остальным крутой подъем дался нелегко, и потому наверху пришлось остановиться, чтобы привести дыхание в норму.

На самом утесе, откуда, поверх городской стены, открывался красивейший вид на реку и на другой ее, до горизонта заросший синеватым лесом берег, стояло два дома, но определить двухэтажный дом кузнеца Даляты было не сложно, потому что деревянный забор замыкался каменным сооружением, над которым из обмазанной глиной короткой трубы поднимался густой черный дым. Так дымить могла только кузница, и вообще дымить среди лета могла лишь кузница, потому что в домах летом печи не топят, а печи в обычных для этих мест дворовых летних кухнях топят не углем, а дровами. Дрова, как известно, такого густого и черного дыма не дают. Услышав голоса за забором, толкнув калитку, оказавшуюся не запертой, ярл Фраварад первым вошел во двор, где два крепкоплечих молодца в кожаных кузнечных фартуках выводили к воротам только что, видимо, подкованного тонконового каурого¹³ жеребца, необычайной красоты и стати.

– Он великолепен, как Слейпнир¹⁴... – с восхищением сказал один из сопровождающих ярла воинов, видимо, большой любитель лошадей.

– Только ног в два раза меньше... – заметил Фраварад.

По костюмам определив чужестранцев, один из крепкоплечих, что вели коня, кивнул им приветливо, вежливо приложил руку к груди и сказал что-то на своем языке.

– Далята сейчас спустится с хозяином коня, – перевел Ансгар. – Нас просят подождать. Это не долго, потому что работа закончена.

Конь или же по нраву своему был диковатым, или сам процесс подковки ему пришелся не по душе, и потому он норовил вырвать удила из сильных, но незнакомых ему рук, прятал маленькими чуткими ушами и постоянно дергал умной красивой головой, стремясь задрать ее как можно выше, и опасно поднимал передние копыта. Впрочем, конь – это не лось, и бьет только задними копытами, но ногу, нечаянно наступив на нее, повредить тоже может. Фраварад, как всякий воин, конечно же, держал дома своего боевого коня, но его приземистый и сильный, рыжий и лохматый, как все полуночные кони, жеребец с этим ни в какое

¹³ **Каурый** – конская масть, светло-каштановая, с такими же гривой и хвостом, и с темной полосой по хребту.

¹⁴ **Слейпнир** – восьминогий конь верховного Бога скандинавского пантеона Óдина. Легко скакал с облака на облако.

сравнение не шел ни статью, ни нравом, и ярл без чужой подсказки понимал, что владеть таким великолепием может только знатный человек.

Из дома вышли двое. Один из них был, несомненно, кузнецом, если судить по его рукам с необычайно крупными, сильными кистями. Лицом кузнец был ясен, спокоен, но, кажется, не улыбчив. Взгляд держал твердый и решительный, который обычно выдает в человеке характер воина, несмотря на то что имеет он другую профессию. Второй, молодой, немногим, кажется, старше Ансгара, похоже, кузнечного молота в своих белых руках никогда не держал, но, должно быть, умел владеть длинным мечом, висящим у него на боку. Одет он был довольно просто, и по одежде воина трудно было отнести к высшей знати, какая в городище наверняка имелась. Однако голову он держал гордо поднятой и бородку носил короткую, стриженную, какую простые люди не носили.

– Не шути так с сиротой, воевода, – недобро сказал кузнец, продолжая какой-то ранее начатый разговор. – Она может принять твои слова за правду и будет ждать. Не шути...

Молодой воевода весело усмехнулся, услышал радостное ржание своего коня и тут же прямо с земли легко запрыгнул в седло, не коснувшись ногой стремени. В словах его, обращенных к кузнецу, тоже сквозила задорная веселость, показывающая легкость нрава:

– Спасибо тебе, Далята, за работу, а еще большее спасибо за нравоучение. Давно мне никто нравоучений не говорил, а надо бы, чтоб ума добавить. А шучу я или не шучу – кто знает, сколько правды в каждой шутке... Шутка мыслью рождается, а мысль из правды исходит... Но не буду пока тебе мешать. К тебе гости, вижу, издалека, да и мне спешить надобно. Пленных разбойных людей ныне привезли, сейчас допрашивают, поеду, послушаю, что интересного скажут, чтоб наперед края наши от дурной славы сберечь...

Молодцы в кожаных фартуках распахнули створки ворот, и воевода проскакал под прилолкой, пригнувшись к гриве коня, которого с места пустил в галоп. При этом цокот копыт был какой-то странный, громкий и раскатистый, словно несколько человек одновременно скакало, и привлек внимание гостей. Они даже по сторонам посмотрели – не присоединились ли к воеводе другие всадники. Но тот, оказалось, так и ускакал один. Скандинавы переглянулись и в недоумении плечами пожали.

Проводив воеводу взглядом, Далята повернулся к пришедшим и вопросительно поднял густые брови. Смотрел, в общем-то, приветливо, но с достоинством истинного мастера, чья слава давно вышла за ворота городища Огненной Собаки и по миру странствует в виде изделий человеческих рук, уже не спрашивая у самого кузнеца разрешения. Далята об этой славе, конечно, знал и считал ее честно заработанной. Отсюда и его собственное к себе уважение, откровенно показанное пусть и знатым людям, но его славы не имеющим.

– Приветствую я вас, гости дорогие. Из холодных стран к нам, вижу, пожаловали. Рад буду оказаться вам полезным. Слышу поговору, вы урмане¹⁵... Чем помочь смогу?

Видимо, разговор гостей он слышал еще из дома, потому что в его присутствии они еще не разговаривали.

– Ты кузнец Далята? – на всякий случай переспросил Фраварад.

Ансгар перевел.

– Меня так родители добрые мои назвали. Далята я...

– Доставай, – распорядился ярл.

Юноша, покопавшись, вытащил из кармана кожаной куртки черный стальной кругляшек с выбитым на нем клеймом кузнеца. Протянул с важностью. Далята взял свой знак, подбросил, поймал и убрал в широкий карман под клапаном.

В это время из-за угла дома вышел странный коротконогий, но необычайно широкоплечий человек с голым волосатым торсом, покрытым копотью, и бородой, заправленной

¹⁵ Урмане (мурмане, норвеги, норвы) – славянские имена норвежцев.

под кожаный в нескольких местах прожженный фартук. Человечек прислонился плечом к резному столбу крыльца и явно намеревался попристутствовать при разговоре.

– Я звал тебя? – спросил кузнец не сердито, но вопросительно и твердо.

Человечек отрицательно покачал головой.

– Тогда иди в кузню. У тебя много дел... У меня, кажется, тоже... А что вы забрать должны? – спросил кузнец, простодушно глядя в глаза Фравараду. – Что-то я вас запомнил... И не соображу, когда вы были...

Но при всей вежливости его тона и внешней простоте произнесенных слов ярко-синие глаза Даяты смотрели строго и слегка настороженно, потому что обычно он всех своих заказчиков помнил, тем более, заказчиков чужестранных, которые не каждый день его навещают. И потому сразу хотел знать, каких людей в дом приглашает.

– Меч Ренгвальда, – за ярла ответил Ансгар, хмуря отчего-то густые и слишком темные для обычного норвежца брови, наследство греческой крови по материнской линии.

Похоже, юноша или по поведению кузнеца, или по какому-то внутреннему наитию уже понял, что забрать меч не так просто.

– Меч?

– Да. Мы приплыли, чтобы забрать меч Ренгвальда...

Кузнец молча помял себе кисти рук, словно этот жест помогал ему лучше думать. Суставы слегка хрустели, показывая, что мнет их Даята сильно.

– Мне, помнится, приносил его совсем другой человек... И я жду его возвращения... Завтра будет год, как меч у меня. Мы договаривались как раз на год. Простите, гости дорогие, но я не могу отдать его вам без согласия хозяина.

– Но меч уже исправлен? – спросил Ансгар.

– Конечно... Я поставил новый клинок в старую рукоятку. Сваривать старый клинок, как я посмотрел, было уже бесполезно. Там не простой слом. Точно сказать я не могу, но мне показалось, что дело без магии не обошлось. Не другой меч этот клинок сломал, а волшебная сила. И в случае сварки меч Ренгвальда развалился бы от первого же хорошего удара о другое такое же крепкое оружие. С простым мечом он, может быть, и справился бы, если добро сварить, а с хорошим – нет... Можете так и передать хозяину меча. Я жду его...

– Значит, это стал уже другой меч? – поморщился юноша, продолжая прерванную тему. – Это уже не меч Ренгвальда?

– Так мы и договаривались с конунгом Кьотви. Если не удастся сварить, я сделаю и поставлю новый клинок, который будет не хуже старого. Сварить не удалось. Излом был ровным и, как я думаю, запеченным чужими заклинаниями, которые даже наговоренный напильник не берет, а такое не поддается доброй сварке. Новый клинок имеет, конечно, другой рисунок. Повторить один и тот же рисунок харлуга¹⁶ невозможно, потому что он всегда только сам себя творит под молотом и мнение человека не выслушивает. И одни лишь боги знают, какой вид харлуг пожелает иметь. Но новый обладает всеми теми же качествами, что и прежний. Конунг будет доволен моей работой.

– Прежний хозяин меча сидит у костра в Вальгалле, и пусть Один сделает его огонь ярче и жарче, – переговоры вел уже юный Ансгар и вел твердо, не как юноша, но как воин, имеющий на это право. – Я его единственный сын Ансгар, больше сыновей у отца не было, и я как наследник приехал за мечом. Дом и оружие Кьотви принадлежат мне одному¹⁷...

¹⁶ Харлуг – славянский булат. В отличие от булата дамасского и хоросанского, не выплавлялся, а изготовлялся из раскалиенных и перекрученных чередующихся тонких листов углеродистой и мягкой стали, а потом расковывался в плоскость. Обладал всеми качествами любого другого вида булата. В отличие от всех обычных мечей эпохи раннего Средневековья, которые предназначались исключительно для рубящих ударов, харлужный меч позволял наносить удары и колющие.

¹⁷ Согласно скандинавским обычаям (да и аналогичным обычаям Европы периода раннего Средневековья), по законам майората, после смерти отца семейства старший сын получал в наследство титул, дом и землю, а младший – оружие отца.

– Понятно... А ты тоже родственник? – спросил Далята ярла.

– Это мой дядя, – за дядю ответил юноша, чтобы не переводить вопрос.

Далята слегка насторожился, потому что дядя тоже может быть наследником. И это уже противоречило бы только что сказанному.

– Стрый?¹⁸

– Нет, он – брат матери. Он не наследник... – сразу сказал Ансар, чтобы и этот вопрос не переводить, а потом и ответ. – Дядя Фраварад плохо знает славянский язык, многое понимает, но не всегда может ответить, и ты спрашивай у меня. Я отвечу тебе со всей полнотой.

– Понятно... Давайте-ка пройдем в дом и там поговорим, – после короткого раздумья предложил кузнец и опять задумчиво помял свои большие руки, словно проявляя неуверенность и показывая непонимание того, как следует в этом случае поступить.

Он первым повернулся и вошел в еще не закрытые за предыдущим гостем двери. Походка у кузнеца была упругая, но не тяжелая, хотя сам он был человеком крепким и весить должен был немало.

Лестница начиналась в четырех шагах от порога, была крута, как тропа, ведущая к дому, и так же не широка.

Подниматься по ней можно было только по одному, и первым за кузнецом пошел юный Ансар, уже прочно взявший переговоры в свои руки. Да и как ему было не брать их на себя, если он один из спутников владел славянским языком, а, кроме того, в успехе переговоров был самым заинтересованным лицом. У дяди Фраварада можно было только спросить совета, но, кажется, говорили они об этом уже столько, что обговорено и спрошено было все.

Уже миновав лестницу, Ансар обернулся, чтобы посмотреть на своих спутников, и увидел, что внизу стоит тот коротышка с голым торсом, что желал послушать их разговор на улице.

– Кто это? – спросил юноша у обернувшегося, как и он, кузнеца. – На дварфа¹⁹ похож... Но дварфы, я слышал, в ваших землях не водятся...

– Дварф и есть, – сказал Далята. – Гномами их у нас еще зовут... Немой к тому же. В рабство, бедолага, какой-то бедой попал... Я его шесть лет назад у заезжих хорезмийских купцов, случайно увидев, выкупил. Слышал, что гномы кузнецы ладные и рудознатцы умелые, и выкупил. И не прогадал, хотя заплатить пришлось немало.

– Он – твой раб? – спросил Ансар, хотя и понимал, что рабы не должны вести себя так вольно, как вел себя этот бородатый коротышка. В доме Ансара были свои рабы, как и в других знатных домах, и там их держали в строгости. С обязательными стальными ошейниками на шее.

Кузнец отрицательно и с улыбкой помотал головой.

– Я не держу рабов²⁰. Он – мой помощник, почти член моей семьи, хотя чаще не с домашними водится, а со всякой нелюдью, больше с домовым и банником дружит... Но

Этот обычай, кстати, и породил движение викингов, как позже в Европе породил движение странствующих рыцарей, когда младшие сыновья, получив в руки только имя и оружие, искали удачу и богатство на стороне, часто в грабительских походах. Парадокс обычая заключался в том, что если оружие являлось при этом символом власти, то младший сын вместе с оружием получал власть, но власть без земли и дома. Если оружие являлось символом, скажем, королевской власти, то младший сын тоже назывался королем, как и старший, владеющий королевством, и это порождало войны между братьями. История древней Скандинавии знает несколько таких войн, по крайней мере, две войны в Дании и одну в Швеции.

¹⁸ **Стрый** (*старослав.*) – дядя по отцу, брат отца, следовательно, возможный претендент на наследство.

¹⁹ **Гном, дварф** – одно и то же понятие. Гном чаще употребляется среди жителей Германии, это же понятие чужестранного нелюдя употреблялось на Руси, дварф – среди норвежцев и шведов. Иногда рассматривалось как тождественное понятие с цвергом, иногда цвергов выделяли в отдельный маленький народец, обладающий некоторыми свойствами и навыками дварфов.

²⁰ У славян рабство было ограничено десятилетним сроком. После этого раб мог уйти, куда желал, мог остаться в доме, где раньше был рабом, на правах члена семьи, если семья была согласна. Издеваться над рабами славяне себе не позволяли. Они могли и сразу объявить раба свободным человеком, но при этом поставить какой-то срок отработки своих затрат на

всегда волен уйти, куда ему захочется. Только мне кажется, что он уходит не желает. У нас с ним понимание хорошее сладилось, и ему в моем доме нравится.

Ансгар, уловив вопрос в глазах, перевел слова ярлу, пусть сам не понимал даже полностью, кто такой домовый и кто такой банник, хотя знал, кого славяне зовут нелюдью.

– А сам он из каких краев? – с трудом подбирая слова, спросил Фраварад, сразу заметивший подозрительную заинтересованность дварфа их разговором. А им, зная свою миссию, следовало все необычное считать подозрительным и не упускать никакую мелочь, способную повлиять не только на судьбу человека, пусть и первого в стране, но и на саму страну в целом, поскольку страна всегда идет вслед за своим первым человеком.

– Откуда же я-то могу знать! Он же немой. Язык у него каким-то извергом вырезан... Сам он мужичок не злой, хотя и сердится часто. Обидчивый просто и шибко вспыльчивый. И слушается только меня... Я зову его Готлав. Это не его имя, но нужно же как-то его звать, если он не может сказать свое. Знавал я раньше одного кузнеца Готлава и его так же прозвал. По памяти... Но давайте поговорим о мече Ренгвальда.

Они как раз вошли в чистую и светлую комнату, из высоких и узких, на бойницы похожих окон которой открывался вид в даль. Дом стоял на высоком берегу, и обзор с этого берега был обширный. От такого вида дух захватывало.

– Теперь, после смены клинка, это уже не меч Ренгвальда, – слегка расстроенно сказал Ансгар, которому до красивого вида, кажется, дела не было. – Но меч Ренгвальда тоже ты делал?

Кузнец засмеялся.

– Сынок, я не настолько стар, как ты думаешь... Меч Ренгвальда делал мой прадед больше ста лет назад. Я тогда еще не родился. Но прадеда тоже Далятой звали, как меня, и клеймом его я пользуюсь, как наследник кузни и имени.

– Да, я не то сказал... – согласился юноша. – Но пусть этот теперь называется мечом Кьотви. Я думаю, рукоятки будет достаточно, чтобы понять, одно это оружие или нет.

Кузнец внешне чуть виновато, но оставляя при этом взгляд твердым, улыбнулся:

– Я хотел бы подождать до завтра. Остался еще один день до срока, назначенного Кьотви.

– Но мы же отдали тебе твое клеймо... – Ярл ткнул пальцем в клапан кармана кузнеца. Наследник меча переводил слова аккуратно, но сам еще больше хмурился.

– Такое клеймо получает и тот, кто топор или кочергу закажет, – возразил Далята. – Клеймо ничего не решает.

– Кузнец, неужели мы похожи на обманщиков... – с укором сказал Ансгар.

– Люди, которые приходили за мечом позавчера, тоже выглядели вполне прилично. Но у них даже клейма не было, и они не знали цену. Сказали, заплатят, сколько я запрошу. А я не прошу больше договоренного. Вы цену знаете?

– Знаем... – сказал юноша. – Вес на вес... Но наша беда заключается в том, что если мы завтра утром не уплывем домой, то не успеем на выборы нового конунга. Пока у меня в руках нет меча, никто не признает во мне конунга, потому что меч Ренгвальда считался символом власти. Отец обладал властью и без символа. И потому на время ремонта отвез меч тебе. А сейчас он мне нужен. Есть слишком много желающих захватить власть незаконно. Вот и к тебе за мечом, говоришь, приходили...

– Позавчера? – переспросил ярл Фраварад.

– Позавчера, – подтвердил Далята.

– Позавчера приплыли шведы. Это были шведы?

Ансгар переводил.

– Вообще-то, я отличаю свеев от урман. Много раз встречался и с теми и с другими и по делам, и на поле брани. Ко мне приходил ваш соотечественник.

– Кто-то хочет лишить сына отцовской власти... – чуть не простонал ярл. – И, кажется, близок к тому, чтобы своего добиться. Выход один – война... Ты, кузнец, своим недоверием обрекаешь Норвегию на внутреннюю войну...

– А почему ты не отдал меч позавчера? – спросил Ансгар, не став переводить предыдущие слова дяди.

Далята развел руки, изображая лицом крайнее удивление.

– Тот человек сам не взял его. Я, честно скажу, готов был уже отдать – так он убедительно говорил, что послан самим конунгом Кьотви. Но он не взял.

– Почему? Зачем же тогда он приходил?

– Он не знал главного наговора меча. Я сказал ему то, что вложила в это оружие Огненная Собака, он испугался. И убежал вместе со спутниками... Чуть не упал на лестнице. Лестница у меня крута... Вы знаете этот наговор?

Далята строгим испытующим взглядом посмотрел сначала на юношу, потом на его дядю, пытаясь прочитать ответ по их глазам, и, кажется, остался довольным.

– Если меч обнажит кто-то, кроме хозяина, этот человек от самого меча и погибнет, – твердо сказал юноша, глядя кузнецу прямо в глаза. – Так случилось со старшим братом моего отца, когда он, не став еще конунгом, при живом собственном отце, без разрешения обнажил меч, оступился и упал на клинок горлом. Так Кьотви сделался наследником, но не стал следовать примеру брата и обнажил меч Ренгвальда только тогда, когда стал его обладателем по праву. Я готов обнажить меч при тебе, если тебя удовлетворит такое доказательство...

– Но наговор был наложен на старый меч... – в сомнении сказал ярл, без перевода последних слов сообразив, о чем речь. – Новый разве обладает теми же качествами?

– Старый наговор делал мой прадед Далята, а Огненная Собака наделяла заговор собственной силой и защищала против заговора обратного. Новый сделал я – тоже Далята, и я тоже носил меч Огненной Собаке. Оба мы с прадедом кузнецы. Мастера-кузнецы... Разве вы не знаете, что такое слово мастера-кузнеца? – Далята удивленно поднял брови.

– Что такое слово мастера-кузнеца? – твердо спросил наследник оружия и титула.

– Мастер-кузнец не говорит слово. Он его сковывает. Если мастер-кузнец что-то скажет, так тому и быть. Если я скажу девице, что ей замуж намерен выходить, она выйдет... Если я скажу хромому, что он ходить будет, он пойдет... Я слово свое огнем и молотом сковываю... В нашем народе это всякий знает²¹.

– Я верю... Я готов обнажить меч... – повторил юноша.

– Подожди тогда, – со вздохом сказал кузнец и шагнул к двери в другую комнату. – Это серьезный поступок, и он может быть доказательством. Я согласен...

Вернулся он через минуту, держа вложенный в ножны меч в руках. Глаза Ансгара загорелись радостным блеском. Он узнал усыпанную синими сапфирами и кровавыми рубинами рукоятку, за которую много раз держался, но при живом отце юноша никогда не решался вытянуть меч из ножен. Отец предупреждал строго, как это опасно, приводя пример своего старшего брата.

Но не успело оружие перейти из рук в руки, как в дверь с лестницы осторожно постучали.

– Кто там? – недовольно спросил Далята, придерживая меч рукой и поворачивая голову в сторону двери. – Войди...

²¹ Старинное дохристианское поверье славян. С приходом христианства священники чувствовали в кузнецах соперников своему авторитету и старались очернить их. Другое поверье говорило, что вокруг огня кузницы всегда толпятся бесы, боющиеся в саму кузницу входить. Священники воспользовались этим и стали связывать слово кузнеца с деятельностью бесов.

Дверь отворилась, и в комнату боком протиснулся дварф-кузнец Готлав.

– Что тебе надо? Я сильно занят... – Далята, как было заметно, слегка рассердился.

Но дварф упорно шел на середину комнаты, уверенный, что его место именно здесь, и сразу став центром внимания.

– Ты хочешь что-то сказать? – спросил кузнец и посмотрел на своих гостей, словно у них спрашивая. – Всем нам?

Дварф усердно закивал головой.

– Мы слушаем тебя, – разрешил Далята.

Готлав несколько раз ткнул пальцем в меч, потом столько же раз ткнул пальцем в живот Ансару. Причем палец его был тверд, как клинок, и Ансар невольно поморщился и даже испытал желание отступить на шаг. А дварф громко мычал при этом, издавая какие-то нечленораздельные, но явно утвердительные звуки.

– Ты говоришь, что меч принадлежит этому человеку? – понял Далята, привыкший к подобному общению со своим работником.

Готлав обрадовался, замычал громче и снова закивал так усердно, что борода вывалилась из-под фартука и стала подлетать до уровня лица.

– Ты раньше видел его?

Ярл Фраварад спросил на норвежском языке, но Готлав понимал его, кажется, даже лучше, чем славянский. Дварф показал рукой сначала на Ансара, потом на уровень чуть ниже своей головы.

– Ты видел его мальчиком?

Опять кивание и радостное мычание в знак согласия. Потом точно так же, как юношу, дварф начал тыкать в живот и самого ярла.

– Ты и меня знаешь? – удивился Фраварад.

Дварф подтвердил.

– Откуда?

Маленький бородач осмотрелся, потом стремительно выскочил в ту комнату, откуда хозяин принес меч, и вернулся почти сразу с тонкой кольчугой в руках. Показал на себя, на кольчугу, потом на ярла.

– Постой! – ярл вдруг сильно ударил себя основанием ладони в лоб. – Да не ты ли тот самый дварф-кузнец Хаствит, что ковал мне кольчугу?

Радость коротышки была чуть-чуть диковатой и бурной. Он, казалось, подпрыгнуть был готов, чтобы поцеловать высокого ярла, и даже вокруг своей оси, руками, как крыльями, размахивая, прокрутился, что-то изображая или же просто так неуклюже танцуя. Ансар перевел Даляте разговор ярла с дварфом. Сам Готлав согласно кивал на каждое слово.

– Что же с тобой приключилось... – с сочувствием сказал ярл. – Ну-да, теперь-то ты не расскажешь уже никогда... Далята, я понимаю, что мы не для того приехали, и разговор не о том ведем, и разговор серьезный. Но все же... Может, ты продашь мне этого кузнеца? Я отвез бы его домой. У него, кажется, была и семья, и дети, и внуки... И, наверное, есть уже правнуки... Он ведь уже очень не молод... Думаю, ему уже далеко за двести, если не за триста лет...

Ансар перевел просьбу ярла. Далята слегка растерянно развел руками, все еще держащими меч. Но прежде строгие синие глаза его теперь смотрели с добрым прищуром, образовавшим множество мелких морщинок-лучиков. Казалось, глаза этими лучиками сияют.

– Я отпущу его без выкупа, хотя, признаюсь, привык к нему, и мне будет очень не хватать его в кузнице. Он большой мастер, особенно в работе с кольчугами. Но я отпущу...

– Как же без выкупа... Ты же сам заплатил за него выкуп, – вспомнил Ансар. – Справедливо будет вернуть тебе эту сумму.

– Тогда он будет принадлежать тебе или твоему дяде... А я хочу видеть его свободным даже по вашему закону. Готлав все давно отработал за шесть лет и мне ничего не должен. И мы все в доме полюбили его и желаем ему счастья... Если вы доставите его домой, как свободного нелюдя, я буду вам всем очень признателен. Я согласен. Кажется, согласен и он... Если требуется заплатить за дорогу, я даже заплатить готов...

Ансгар поднял руку, показывая, что это лишнее.

– Собирайся, Готлав, – сказал Далята, – не забудь попрощаться со всеми домашними и со своими друзьями-нелюдями...

Гном заспешил к лестнице. Синий взгляд мастера опять стал серьезным, и куда-то ушли от глаз мелкие и добрые морщинки-лучики.

– А теперь – меч!..

* * *

Ансгар принял меч из рук кузнеца с заметным трепетом и благоговением, и даже с небольшой, вызванной волнением, дрожью в пальцах. Но, подержав его несколько мгновений перед собой, наслаждаясь мгновением торжества, без сомнения вытащил оружие из ножен. И удивился не только красоте черного несимметричного рисунка харлуга, но и тому, что меч казался гораздо более длинным, чем обычные мечи, и при этом более легким.

Ансгар многожды видел старый меч в руках отца, потому что рано начал участвовать в походах, хотя его и не всегда допускали до боя. Но тогда меч совсем не казался таким. Может быть, потому, что сам Кьотви был великаном, и любое оружие в его руках смотрелось игрушечным.

– Меч Кьотви... – сказал Ансгар благоговейным шепотом и повел мечом перед собой.

Он не рубил воздух, пробуя оружие, он просто провел клинком по пространству над головой и сделал это торжественно и не слишком быстро. Но создалось впечатление, что раздался свист, какой бывает при разрубании воздуха. Точно такой свист, как помнил Ансгар, имел старый меч отца. Как отец сыну передавал наследство, так и старый меч передал наследство новому, меч Ренгвальда мечу Кьотви.

Свист стального клинка был родовой песней оружия.

– Это он... – в голосе юноши слышалось удовлетворение.

А после этого Ансгар провел еще одно испытание. Точно так же делал сам Кьотви, показывая качества старого меча. Юноша положил оружие плоскостью на голову, взялся одной рукой за рукоятку, другой – за острие и согнул так, чтобы оружие прижималось к ушам²². Юношеские руки оказались достаточно крепкими, чтобы провести и это испытание, хотя оно потребовало напряжения всех сил.

Клинок ничем не уступал прежнему...

* * *

Чтобы не привлекать к мечу и к его драгоценной рукоятке излишнего внимания, на чем настаивал ярл Фраварад, хотя юноше и не терпелось прицепить меч Кьотви к своему поясу, оружие завернули в чистые льняные полотнища, принесенные кузнецом. И, расплатившись весом золота по весу меча, отправились на драккар той же дорогой, которой пришли, хотя уже знали, что есть дорога и другая, по которой усакал молодой воевода на великолепном коне. Но тропа, понятно, была более коротким путем к причалу, а гости торопились, чтобы

²² Обычный славянский способ испытания харлужного клинка, описанный в нескольких византийских и армянских источниках.

засветло добраться до драккара. Спуск был не менее сложным, чем подъем, и стоило труда не свалиться с крутизны. И осторожность соблюдать пришлось, несмотря на всю радостную торопливость. Только теперь уже один из воинов, что нес раньше полный мешок золота, выглядел очень довольным, хотя с золотом только что расстался. А довольство по такому поводу с людьми, известно, случается редко. Впрочем, расстаться ему пришлось с золотом, ему не принадлежащим, и это служило большим утешением. Но самым довольным членом команды был, конечно же, дварф, которого теперь уже все звали не Готлавом, а Хаствитом, и ему очень, как все заметили, нравилось слышать собственное имя. Улыбающийся дварф – это вообще для тех, кто часто видится с дварфами, явление непонятное. Но это непонятное явление вызывало улыбку и на лицах совсем несентиментальных моряков-воинов, привычных к грабежу и разбою больше, чем к улыбкам. Один юный Ансар не улыбался, но он витал мыслями где-то в облаках над землями полуночно-закатной²³ Скандинавии, и мысли эти были, наверное, не менее приятными, чем мысли дварфа. Только юноша умел лучше контролировать свои эмоции, да он еще и не настрадался так в жизни, как настрадался несчастный маленький кузнец, чтобы всем демонстрировать свою радость.

До берега добрались, как показалось, быстро, и не потому, что спускаться в действительности было легче, чем подниматься в гору, но и настроение у всех было радостным и приподнятым. А с таким настроением и быстрее шагается, и потраченное время не замечается...

* * *

Команда норвежского драккара сидела на песчаном берегу неподалеку от причала, подковой оцепив костер, на котором готовилась еда на всех. Только с той стороны, куда летели искры и уносился легким ветерком дым, к костру никто не приблизился. В большом общем котле закипала, пока еще тихо побулькивая, привычная для мореплавателей густая похлебка из вяленой рыбы. Морские странники уже начали рвать черствые лепешки, которыми скандинавы, сгибая кусочки чашечкой, привыкли есть свое варево, когда откуда-то со стороны дороги, ведущей в городище, подошел хозяин причала с небольшим заплечным мешком и, деловито присев чуть в стороне от моряков, стал доставать оттуда что-то деревянное, непонятное по форме и по назначению. И при этом тыкал в воздух пальцем, считая членов команды. За этим занятием и застали их всех ярл с Ансаром, едва-едва не догнав хозяина причала по пути.

– Ты пришел к нам в гости? – спросил ярл Фраварад, подозревая, что приход хозяина причала является не только визитом вежливости, и желая прояснить, что этому человеку понадобилось около драккара. Появление на борту драгоценного груза делало Фраварада подозрительным, хотя защитить груз было кому. – Как зовут тебя, я второпях не успел спросить...

Хозяин причала, как стало известно раньше, норвежским языком владел, хотя говорил не бегло и подбирая слова. И потому разговаривать с ним ярл мог свободно.

– Родители называли меня Вакорой, и уже четыре с лишним десятка лет так же зовут меня другие. А пришел я посмотреть, как вы едите. Я видел уже, как ваши братья-дикари едят, и свеи так же раньше ели. Пора вам уже, думаю, и по-людски за котел садиться...

– А мы, значит, садимся не по-людски? – усмехнулся Ансар, уже сходявший на драккар и оставивший свой меч там. – Ты хочешь сказать, что мы звери?

– Конечно не звери, но... Мы вот даже нелюдь приучили ложками есть, и диких свеев тоже приучили. И вам пора бы. Чем вы хуже свеев? Я для того ложки и принес.

²³ Полуночно-закатной – северо-западной.

И он показал, как есть похлебку ложкой. Сам, правда, есть не стал. Пример славянина никого не вдохновил бы на пробу, но аргумент со свеями действие возымел. Если даже извечные соседи-соперники приучились... То хотя бы попробовать можно... Моряки разобрали ложки, рассмотрели, посмеиваясь один над другим и друг друга передразнивая. После этого сначала умылись все по одному в тазике с водой²⁴, принесенной с реки, а потом стали пробовать похлебку. Кому-то пользоваться ложкой поперву показалось неудобно, кому-то понравилось сразу. Тем более что даже приведенный ярлом дварф Хаствит достал из-за низкого голенища своего сапога собственную ложку, не деревянную, а металлическую, кованную, с узорчатой красивой рукояткой, и принялся есть ею. Почти сразу же со своей деревянной ложкой в протянутой руке появился рядом с котлом и причальный нелюдь Хлюп, без дела отирающийся до этого рядом.

– Вот я и говорю, – заявил Вакора. – Покупайте ложки... Хотя какой-то товар домой привезете... На всех хватит. Кто с какой ел, ту и покупайте... Хотите жену порадовать, по две берите... И на жен тоже хватит... Можете и по три взять, чтобы соседу потом продать. А если соседей много, я ложки еще принесу...

Согласились, кажется, почти все. Вакору спросили о цене. Кто-то сразу же присвистнул. Цена всех ложек была чуть не выше цены стоянки драккара у причала. Но отказываться, демонстрируя жадность, никто не стал. Моряки и грабители жадностью не отличались, и, напротив, щедрость всегда была свойственна воинам.

Как только торговля закончилась, Вакора, отказавшийся от приглашения присесть к котлу, забросил лямку мешка за плечо и поспешил к другому костру. Кажется, там вокруг своего котла сидели люди со шведского боевого драккара.

– Хозяин причала, наверное, других каких-то шведов к ложкам приучал. Этих еще не успел... – засмеялся ярл ловкости продавца. – Но аргумент у него и там будет серьезный – урмане едят, а вы чем хуже... Купят шведы... Раскошелятся, несмотря на свою известную прижимистость...

* * *

Надо же такому случиться, что несколько дней не было ветра, и вдруг ветер пришел. Тем более, ветер такой, какой нужно, и даже силы очень и очень подходящей для парусов на реке. Он прилетел вместе с мелкой и игривой водяной рябью по извилистому руслу Ловати, как по естественному коридору среди лесов. Сначала легкий, потом все более и более тугой, устойчивый и какой-то слегка звенящий. И если бы была необходимость поднять парус, то можно было бы плыть и плыть домой, помогая драккару только одним рулевым веслом и давая возможность гребцам отдыхать не на берегу, а по ту сторону борта. Между низенькими гребными скамьями на бухтах с корабельными просмоленными канатами всегда есть место для каждого из двадцати, да и еще для многих воинов нашлось бы. Но воинов грузят в драккар, когда в набег собираются. А сейчас ярл Фраварад по делам плавал и потому воинов с собой не взял, чтобы лодку не утяжелять и не лишать скорости. Но простые гребцы – те же самые воины и, случись что, всегда готовы доказать, что мечом или боевым топором владеют не хуже, чем веслом. А за трудным гребным делом руки у них никогда жирком не порастают, и потому охотно готовы сменить весло на меч.

²⁴ По обычаю, скандинавы умывались не проточной водой, а все в одном тазике. Это действие имело символическое значение. Считалось, что вода роднит людей и сплавивает. С точки зрения некоторых современных исследователей свойств воды, рассматривающих ее как всемирный информационный проводник, обычай скандинавов, вызывающий смех у других народов, в действительности был весьма значимым и действенным средством ментального объединения из разношерстной толпы в команду.

Гребцы пока еще у костра отдыхали, а ярл Фраварад в сомнении заходил по берегу вдоль причала, всматриваясь в реку, прислушиваясь к берегам и задирая голову, чтобы в вечернем небе облака рассмотреть – как они по ветру тянутся, в какую череду выстраиваются. Но здесь было не море, такое знакомое и понятное. Здесь ветер может налететь и через несколько мгновений стихнуть, и никогда не знаешь, как он себя поведет. Стоит ли срываться с места, если не уверен в постоянном нраве погоды... Ярл был в раздумьях, когда к нему подошел племянник.

– Шведы... – сказал тихо, даже не показывая на соседний причал.

Фраварад всем корпусом, хотя и неторопливо, повернулся в сторону боевого драккара, уже заметно накрытого предночной темнотой. Там, на соседнем причале, царило оживление. Кто-то бегал, суеился, кто-то с кем-то ругался. Явно шведы к чему-то готовились, и при этом торопились.

– Посмотрим.

И ярл с племянником пошли прогулочным шагом по берегу, тихо беседуя друг с другом, чтобы не явно удовлетворить свое любопытство.

На берегу три по пояс голых высоченных и сухопарых шведа сколачивали из толстых сырых бревен маленький треугольный плот с грубой и крепкой площадкой поверху. А несколько человек торопливо таскали на драккар дрова, которые сумели насобирать по берегу, и поливали их небольшими порциями масла, дожидаясь, когда очередная порция впитается, чтобы полить следующей. Не много дров, но Фраварад с Ансаром понимали, для чего они нужны. Шведы решили плыть старым дедовским методом, который используют в своих фьордах все скандинавские моряки, если случается им задержаться в море или возвращаться в родной вики из дальнего пути в темноте. На плоту, что крепится в десяти локтях впереди носового дракона драккара двумя шестью, зажигается костер, который будет освещать путь впереди. Со стороны драккара выставляют начищенный медный таз, который отражает пламя и делает костер более ярким. Свет огня, отраженный тазом, ложится тогда на воду длинным столбом, в котором издали станет заметным любое препятствие, да и берега освещает своими играющими бликами.

Шведы, вострепнувшиеся раньше ярла Фраварада, решили воспользоваться попутным ветром и рискнуть отправиться в ночь.

– Спешат... Может, и мы поторопимся? – предложил Ансар.

– Я бы предпочел обойтись без таких попутчиков, – возразил ярл, в сомнении покачивая головой. – Я тоже к ветру прислушивался, думал... А они раньше решились. Значит, вопрос сам собой отпадает, и мы поплывем только с рассветом. У них и гребцов больше, и парус шире, поплывут быстро. Пусть плывут. Нам за ними гнаться ни к чему. А ветер, думаю, до утра не стихнет. Если с ветром да на веслах, мы тоже птицей полетим, но догнать не будем...

– Однако, если...

Ансгар хотел возразить, потому что юноше после обретения драгоценного меча Кьотви хотелось отправиться в обратный путь как можно быстрее, но разговор внезапно прервался – на их драккаре послышались шум и крики, какие-то непонятные глухие удары, словно кто-то колотил веслом в борт. Заторопились на борт гребцы от костра. Дядя с племянником, помнящие, какой бесценный груз они везут, тоже поспешили туда. Ансар почти бежал.

На корме стоял низкорослый бородатый нелюдь Хлюп и в руках держал расщепленное запасное весло. И вид у причального был такой гордый, словно он совершил невесть какой подвиг. А в руках у него не весло, а, по меньшей мере, копьё или даже боевая палица, которую так любят местные славяне-русы и даже ловко с такой палицей управляют в единоборстве, словно мечом. Гребцы обступили нелюдя полукругом, и хозяин причала Вакора уже оказался здесь же.

– Что случилось? – спросил Ансар, поскольку расспрашивать нелюдя на понятном тому языке лучше других могли только он и Вакора. Конечно, еще несколько гребцов да кормчий Титмар чуть-чуть знали славянский, поскольку плавали раньше в славянские земли, но они пока с вопросами не лезли.

– Приплыл кто-то... – гордо сообщил причальный. – А я услышал... Я всегда слышу...

– Что ты услышал? – не понял юноша.

– Как кто-то под водой плавает. Я весло приготовил и подождал... Он вынырнул, за борт ухватился, а я ему веслом по рукам, по рукам... По одной, потом по второй, потом снова по первой, потом по голове, но весло вскользь прошло... А он и сорвался... Уплыл. Но без рук его оставил... Без рук плавать плохо...

Тяжелое и длинное весло в руках низкорослого причального казалось бревном, но руки у нелюдя были, похоже, очень сильные, и с веслом он, в самом деле, управлялся не хуже, чем добрый воин управляется с боевым копьём.

– А куда уплыл?

Хлюп показал рукой. По жесту можно было бы предположить, что неизвестный пловец уплыл в сторону шведского драккара, хотя это вовсе и не обязательно. Просто уплыл в ту сторону, потом мог поплыть в другую. Да и лодок выше по течению стояло несколько. И выйти на берег между лодками в сумраке неизвестный ныряльщик мог незаметно. А мог и вообще где-то под причалом спрятаться и дожидаться, когда все успокоится.

Ансгар перевел ответы причального всем.

– Как можно услышать, что кто-то под водой плавает? – не поверил один из гребцов. – Это чучело просто хочет несколько монеток так заработать. Сторож нашелся... Весло расколол, борт чуть не проломил...

– Не сомневайся... Он слышит, – твердо сказал Вакора. – Он же причальный... Он нелюдь, судьба которого на причале жить... Я за то и плачу ему, чтобы охранял. Он охраняет. Лучшего охранника не придумаешь. Он даже рыбу слышит, когда подплывает. И размер ее слышит. Только хорошая подплывет, даже ночью, острогу хватает, и готов хоть поздний ужин, хоть ранний завтрак, лишь бы костер горел. А сам сырой ее съедает. Говорит, так вкуснее. Правда, солью больше, чем человек, посыпает. Да у нас соль дешевая...

Другой гребец расправил волосы на косматой, может быть, никогда в жизни не стриженной голове нелюдя и посмотрел на уши. Уши у причального Хлюпа были большие и висячие, как у болотной собаки. Ушные раковины были почти полностью закрыты.

– Не верю... – категорично сказал второй гребец.

Может быть, Ансар и Фраварадом тоже не поверили бы, но они знали, что на драккаре можно украсть. Юноша тотчас прошел на нос и проверил – меч оставался на месте. Вернувшись, Ансар улыбнулся и все же дал нелюдию пару мелких монеток. Тот остался доволен то ли монетками, то ли похвалой, которую прочитал в улыбке юноши...

* * *

Шведы вскоре уплыли.

От причала они отчаливали, конечно, на веслах, а выбравшись на середину реки, сразу подняли парус, резко хлопнувший по ветру и чуть не сваливший мачту. И драккар, стремительно сорвавшись с места, быстро превратился в темноте в едва различимый призрак. А еще через несколько мгновений перед его носом вспыхнули промасленные дрова. В полной темноте плыть по реке шведы тоже не желали. Ловать – не море, и слишком велика опасность заметить поворот с опозданием. А еще через несколько мгновений шведская лодка уже скрылась за поворотом.

Команда норвежского драккара так и сидела на берегу у костра, оставив на лодке только пару гребцов и причального Хлюпа для охраны. Привлеченные костром, вокруг летали с тонким писком комары, и люди от них отмахивались.

Опять подошел Вакора. Присел на камень, протянул руки к огню. Улыбнулся и приветливо кивнул своему старому, видимо, знакомому дварфу-кузнецу Хаствиту. Тот светился лицом и глазами от добрых дум о доме, в который ему предстояло вернуться, и, кажется, не замечал происходящего вокруг него.

– Что, не спится? – спросил у хозяина причала ярл.

– Смотрел, как шведы уплывают. – Вакора бросил взгляд в сторону темного уже поворота Ловати, где скрылась шведская лодка. – Мне все дума покоя не дает, кто на драккар к вам забраться хотел. Наши такого не сделают, не принято это у нас. А у шведов вот, видел я, один гребец за весло не брался. Голова мокрая, и обе руки тряпками перемотаны. Может, другое что, может, просто бревном придавило, но все же... Но все ж таки... Не из них ли?

– А точно ли они только за вареной солью приплывали? – поинтересовался Фраварад.

– Откуда ж я знаю. Они с полудня²⁵ приплыли и у нас остановились, чтоб соли купить... Я сам им воз с волами давал, чтоб на солеварню ездить...

– А ладьи там чьи? – спросил Ансгар, кивая в сторону других причалов.

– Три наши, здешние, одна с Русы, одна со Славена²⁶. Одна с Руяна²⁷, дальняя. Руяне народ пусть и разбойный, но не вороватый. Эти отобрать могут, побить под пьяную руку до полусмерти, но не украсть. На них не думай...

– Ладно, – махнул рукой Ансгар, – что сейчас гадать... Вора на кол сажают, когда поймают. А если не поймали, то и говорить о том не стоит, и не стоит кол в землю вкапывать. Ты, Вакора, лучше расскажи нам, что за тварь такая нашего вора спугнула. Откуда вообще ваша нелюдь взялась? Много их? Мы и в городе видели – ходят... И все какие-то разные... Наши все стараются от людей подальше держаться. А ваши среди вас живут. Непривычно это как-то...

Вакора подергал себя за бороду, показывая зубастый смешок.

– У вас же тоже дварфы ходят, слышал я... По крайней мере в саксонских городах ходят гномы... Мне рассказывали торговые гости. Почему нашей нелюди не ходить?

– Так это в Саксонии, да и то в редкость. Я там был с отцом. Много не видел, хотя есть. Они их гномами зовут. Но даже там их не столько, сколько у вас всяких. У вас разные все. И давно они здесь появились?

– А кто ж знает! Всегда, похоже, были...

Ансгар обернулся на драккар, где на борту, свесив короткие босые ноги, сидел задумчивый Хлюп и смотрел в воду.

Ярл встал и поправил на себе плащ.

– Ладно. Всем, кроме дежурных, спать. На рассвете отплываем, – распорядился строго. – Что за день завтра выпадет?..

²⁵ Приплыли с полудня – с юга.

²⁶ **Славен** – так назывался Новгород до того, как был сожжен варягами и восстановлен с помощью братского народа славян-вагров, разбитых в своих землях Карлом Великим и мигрировавших в земли восточных славян во главе со своим князем Бравлином Вторым. Прежняя столица вагров называлась Старгород. Новый город стал называться Новгородом.

²⁷ **Остров Руян** (в другой транскрипции Буян) – остров в Балтийском море, ныне Рюген, принадлежит Германии. В Средние века считался самостоятельным княжеством, но большую часть своей истории входил в бодричский союз славянских племен. Руян считался центром славянских викингов, которые плавали все же не на скандинавских драккарах, а на более быстроходных и более маневренных славянских ладьях. Славился богатейшим храмом Свентовита в своей столице городе Арконе. Этот храм сам снаряжал и отправлял в набеги экспедиции славянских викингов, за что брал с них десятую часть доходов. Своей репутацией воинов руяне превосходили всех скандинавов вместе взятых, которые, имея значительное превосходство в силах, многократно и безуспешно пытались захватить Руян. При этом сами руяне всегда считались оплотом верности князьям бодричей. И были основной ударной силой в их войске.

– Да будет рассвет без тумана, – сказал хозяин причала, поднимаясь. – Да будут попутными вам Стрибожьи внуки²⁸. Да будет путь ваш без врагов...

²⁸ **Стрибог** – одно из имен Сварога. Стрибожьи внуки – ветра.

Глава 2

Первым почувствовал недоброе молодой десятник стрельцов Велемир, который, по известным сотнику Овсеню причинам, чуть ли не больше всех спешил с возвращением в Куделькин острог. Это и понятно, когда сердце любовью переполнено, оно всегда усиленно трепещет и торопит, и заставляет человека своих спутников поторапливать. Особенно если расстояние преодолеть осталось уже совсем, по общим меркам, небольшое. Не терпелось парню с нареченной своей, дочерью сотника Добряной встретиться. Даже во сне десятник имя ее повторял. Овсень сам это слышал. И без того сотня задержалась на десять дней против обещанного, поскольку некоторых крупных становищ из-за засухи на старых местах не оказалось – откочевали в лучшие уголья, надеясь, что лучшие все же еще существуют где-то. Но винить в перемене места никого было нельзя. Искать пришлось по следам, плутать среди сопков, пересохших болот и обмелевших речушек. Но все завершилось благополучно. И теперь – последний переход до дома, самый длинный. Но, чтобы сегодня же туда добраться, решили ехать без обеда. Вернее, сотник так решил, а остальные ему подчинились и не против собственного желания. К домашнему очагу тянуло всех.

– Никак дымом пахнет... – сказал Велемир, высоко задирая светлую не совсем еще оформившуюся бородку и открывая ветру ноздри.

– Костер кто-то на берегу разжег... – сказал один из воев²⁹ за его спиной. – Где-то сразу за Дремовым бродом или даже на самом на ем... На том, стало быть, только берегу... Лес бы токмо не запалили...

– Сотню костров... – огрызнулся стрелецкий десятник. – Не иначе... Слишком уж гари много... Нос, как от соли, щемит...

Солью вои сотни, если была нужда, обычно лечились от простуды. Делали крутой солевой рассол и в нос заливали. Нос разорваться был готов, но простуда вместе с сильным чихом из головы выходила сразу. И все знали, что это за ощущение.

Сотник Овсень, опираясь на рукоятку боевого топора, прочно лежащую, будто пере-кладина, между рогами верхового лося, привстал на стремянах и тоже носом потянул. Но он пока ничего не чувствовал. Да ему и почувствовать было трудно своим основательно сло-манным носом. Однако воям сотни, набранным из охотников, первопроходцев и следопытов, Овсень в подобных вопросах всегда доверял, и они не подводили. А в таких диких местах, где они поставлены были на службу, легкая сотня Овсеня княжеской тяжелой дружинной сотне ни в чем не уступит, а в чем-то за счет своей маневренности и лучше будет.

– Д-да... Добавим ходу... – Огладил сотник ладонью бороду и пятками подогнал широ-когрудого лося Улича, самого крупного и сильного из верховых лосей в сотне, самого умного и сообразительного, да к тому же послушного, как конь. Конечно же, сотнику и полагается на самом крупном лосе ездить, чтобы больше и дальше других видеть. И на самом умном тоже, чтобы команды его выполнял, как сотня их выполняет. Да другому лосю и трудно было бы носить на себе такую тяжеловесную мощную фигуру, к тому же кольчугой и оружием утяжеленную. Роста Овсень был слегка повыше среднего, зато ширину плеч имел необык-новенную и руки длинные, ниже колен, если опущены. И эти руки, когда в дополнение топо-ром удлинены, любого врага сверху без проблем доставали.

Вообще-то, сотник Овсень всегда неторопливым и вдумчивым нравом славился. Не подумав основательно, ни одного дела не начинал и осторожность не терял никогда. И в делах сложных старался никогда не торопиться, не полагаясь только на одну удачу. Но сейчас и его домой тянуло, да и не было причин задерживаться. Дома жена, дочери... Жена Всеведа

²⁹ Вой – воин.

обычных своих пирогов с рыбой напечет, дочери свежую воду из колодца принесут, чтобы отцу умыться, и добрым ласковым словом батюшку своего огладят. Как не заторопишься к такому после многих дней похода по диким становищам, после лесных дымных ночевок.

А тут этот запах гари...

Но в эту пору, как все понимали, запахом дыма и удивить кого-то было сложно. Нынешнее лето жарким выпало не по месту, близкому к полуночи³⁰, и лесных пожаров по всему обширному Бьярминскому краю³¹ много гуляло. Откуда пожары возникали, не ведал никто. Ладно бы еще грозы шли, небо бы молниями с треском лопалось – понятно было бы. А тут ведь дождя дожидаться не могли, все вокруг Куделькина острога пересохло, и земля ломаными трещинами пошла, и даже травы было не накосить, чтоб лошадей, коз и ездовых лосей студеной зимой худо-бедно прокормить. И это тогда, когда овес почти весь на корню высох, не успев взойти в рост. И драли, заготавливали для лосей рябиновую и осиновую кору, не зная при этом, как лошадям зиму пережить. Надежда была только на корневые земли русов, куда засуха не подошла. Оттуда можно было фураж обозом доставить. Но до обоза еще следовало дожиться.

А потом пошли по сухим лесам пожары, по неведомой причине возникающие. Еще пожары, конечно, от костров, людьми брошенных, не залитых и не утопанных, случаются, но когда лес горит в тех краях, где людей сроду не видели, куда охотники не суются из-за отсутствия там дичи – это совсем непонятно. Волхвы говорили, что это немилость Земли за грехи человеческие и за непризнание своих грехов, за нежелание их исправить. Только кто и чем конкретно такую немилость вызвал или кто наслал ее на суровый край – было пока непонятно, и волхвы об этом молчали, обещая, что со временем все само откроется.

А что лютые пожары натворить могут, помнят и знают все, хотя никого из сотни, включая самого Овсеня, в Бьярмии в помине не было, когда двадцать с лишком лет назад Куделькин острог в такую же сухую пору сгорел до последнего бревна в частокле. И людей тогда, не успевших из огненных стен выскочить, погибло множество, потому что загорелся острог ночью, вспыхнув сразу, и быстро был огнем охвачен весь, вместе с жилыми домами. Разговоры о том пожаре и в другие засушливые годы ходили, и в нынешнее лето возникали. Вспоминали, сторожились, лишнего огня боялись, и сухую траву у стен и у домов под корень срезали серпами. Да еще детей посылали остатки травы выщипывать. Кое-где люди вокруг своих домов даже неглубокие, но шириной в два шага ровики прокапывали, чтобы пал, если пойдет, их жилище минул. В нормальную пору такой ровик травой зарос бы сразу, в сушь не зарастал и хоть какую-то надежду на спасение давал. Но когда память жива, когда есть разговоры, то и в душе обязательное беспокойство таится, не дает безмятежно себя чувствовать.

Так, с беспокойством этим, и ехали.

Сотня миновала Дремов брод, где вода обычно достает лосям до брюха, но сейчас река, считай, вдвое обмелела, если по броду судить. Здесь костров видно не было, хотя сотник и надеялся, что именно здесь, на покрытом мелкой галькой берегу остановилось на постой большое становище кочующих сирнан³². Место для временного становища хорошее, и сирнане часто здесь останавливаются. Хотелось сотнику верить, что это их костры учуял нос Велемира. И тем неприятнее было ошибиться. Но теперь запах пала и по реке разносился, хотя против течения его только легкий ветерок нес, и уже сам Овсень его хорошо почувство-

³⁰ К полуночи – к северу.

³¹ Бьярминский край – Бьярма, обширные территории восточнее и севернее озера Ильмень, включающие в себя и Карелию, и нынешний Пермский край. Столица края город Бьярма (возможно, отсюда произошло название нынешней столицы Пермского края города Пермь).

³² Сирнане – то же самое, что зыряне то есть, объединяющее название народов коми и пермяков. Если пермяки вели большей частью оседлый образ жизни, то коми в основном кочевали со своими стадами. Но те и другие звались сирнанями.

вал, и от этого запаха защемило сердце и у него. Запах был слишком сильным, и о костре или даже о кострах уже никто не говорил.

Здесь тропа сотни, обогнув сопку, лысую и каменистую по вершине, но густо поросшую мелким лесом по склонам, уже круто поворачивала вдоль извилистого русла, местами подходя прямо к берегу и извиваясь, как велит то делать река, и вливалась вскоре в дорогу. А по дороге можно было бы гнать лосей и лошадей быстрее, не опасаясь сломать лбом выставленную поперек тропы ветку дерева, не пригибаясь без конца и не лавируя между самими деревьями. Но сдерживали быстрое движение упряжные лоси, что тащили три волокуши с годовой данью, собранной с сирнан. Дорогие меха, тюками притороченные на волокушах, не бросишь без пригляда, хотя опасаться здесь вроде бы и некого, тем не менее, порядок Овсень любил и предпочитал его блюсти даже в мелочах, чтобы не заиметь привычку к частому расслаблению и нерадивому к службе отношению. Приходилось и верховых животных сдерживать.

Дымом между тем пахло все сильнее.

– Подогнуть бы еще чуток... – вроде бы не к сотнику обращаясь, а сам с собой разговаривая, сказал Велемир. – Дым какой-то недобрый...

Не его, конечно, дело сотнику советы давать. Но Овсень хорошо услышал парня, понял, осмотрелся и сделал знак двум легким лошадным воям.

– Ну-ка... Пролетите-ка, соколы, вперед. Посмотрите, стало быть, и к нам для спокойя мигом...

Тех повторно посылать не надо было. Дома обеих семьи ждут, и есть, о ком беспокоиться. С места в крутой карьер коней послали, и только взбитую густую пыль за хвостами оставили. Лось все же с лошадью в быстроте не сравнится, хотя не в пример выносливей и неприхотливее, да и зимой на снегу со своими копытами пройдет там, где лошадь на брюхо сядет. А уж в бою, в плотной человеческой сече, лось куда как лучше лошади. И всадника держит выше, позволяя удары сверху наносить, и сам бьет и копытами, и рогами пострашнее любого меча³³. Но вот, когда маневренность и стремительность требуются, лошадь все-таки сподручнее. Она быстрее и в нужное место доставит, и не даст врагу уйти, но тебе самому уйти, если потребуется, поможет. А уж в быстрой разведке, когда потребность такая есть, лошадь заменить нечем. Потому сотня и состояла не только из лосиных всадников, но и из лошадных, чтобы вои и то и другое способны были делать и друг друга, по необходимости, поддержать могли.

Дымными стали казаться и до того легкие облачка, что в небе тянулись. И не с полуночи тянулись, откуда могут дожди принести долгожданные, а, наоборот, с полудня, обещая продолжение утомительного и губительного зноя. Торговые гости, проехавшие недавно из корневых земель русов в глубину Бьярмии за серебром, говорили, что дома такого зноя нет, хотя дождей тоже маловато. А здесь, словно перевернулось все в природе, где холоднее и дождливее должно быть, засушь выдалась, которой конца не предвидится. И гарь в воздухе висит, шершавым камнем-валуном в горло лезет...

Только вот от чего эта гарь? Может, просто лес на берегу полыхнул или камышом где-то пламя полакомиться решило? Такое тоже случается, и потому раньше времени рвать себе сердце надобности нет...

³³ Лось, в отличие от лошади, бьет не задними, а передними копытами. Известны случаи, когда лось ударом переднего копыта, попав в лоб, медведя убивал.

* * *

Не успели посыльные вернуться, когда неподалеку дружно протрещали на дереве две перуновы птицы³⁴, и Велемир, едущий первым, своего лося Верена, вдруг забеспокоившегося, резко придержал и выровнял, остановив поперек тропы. А сам тут же привычным легким движением длинный лук из налучья выхватил и сразу таким же привычным движением стрелу на тетиву наложил.

И не ухватишь взглядом момента, когда стрела была из тула³⁵ выхвачена. Но стрелец на то и стрелец, чтобы быстро и ловко со своим делом справляться. А уж про точность его стрельбы можно сказки сказывать. Хотя торопиться со стрельбой никому не рекомендовалось.

– Что ты? – поравнялся с десятником Овсень.

– Волк... – сказал десятник и лук на вытянутую руку поднял – то ли инстинкт охотничий в нем разыграл, то ли просто сказала человеческая привычка убивать опасного лесного хищника при всяком удобном случае, чтобы не доставил он в будущем бед. – В кустах... Сейчас вынырнет...

Овсень всмотрелся в кусты.

– Обожди-ка... – со спины сказал десятник сотни Живан, человек в лесной жизни опытный и следопыт непревзойденный. – Во-первых, это не волк, а волчица молодая... Взрослая сейчас, по сезону, только-только кормить волчат молоком должна закончить, соски еще видно было бы... А это молодая, не щенная... А во-вторых, что волчице так себя вести, скажи-ка на милость... Не крадучись идем... Волки настоящие уже убежали бы и не полезли бы под твою стрелу. Не стреляй пока. Это, не иначе, волкодлак³⁶. Весть она нам какую-никакую принесла...

Живан выехал вперед, к кустам, туда, где мелькала облезлая слегка рыжеватая шкура крупного зверя. Но волчица не убегала, только суетливо в одну и в другую сторону перебежала и села на пригорке так, что острые уши ее над чахлыми кустами торчали.

– Чего ты хочешь, дикость человечья? – спросил десятник, обращаясь к ней сразу, как к волкодлаку. – С чем-то, никак, пожаловала?

Волчица снова пробежала в одну, потом в обратную сторону, явно показывая, что она к человеческой речи равнодушна и, возможно, понимает слова. И коротко тихонько подвыла, как заскулила. Лоси и кони под всадниками сотни сразу заволновались, тревожно захрапели и погнать готовы были, если бы не сдерживали их крепкие руки. Волчий вой ни одно животное равнодушным не оставит. Даже такой короткий намек на вой.

– Видите, – сказал Живан. – Она даже знает, как лоси с лошадьми на ее вой себя поведут. И потому только коротенько так... А могла бы во всю глотку... Значит, чего-то хочет... Говорит, предупреждает нас. Ну, серая... Говори, говори... Случилось что-то?

– Она просто к людям тянется, если, случаем, волкодлачкой навсегда осталась, – сказал Овсень. – Не привыкла еще к этой шкуре и потому тоскует. Трудно ей без людей и среди

³⁴ **Перуновы птицы** – сороки. В капищах Перуна обычно держали и кормили сорок, поскольку черно-белая масть птицы соответствовала цветам Перуна. Волхвы перуновых капищ носили черно-белые одежды. Считалось, что сорока, если присутствует во время моления, может донести молитву до Перуна быстрее. При принесении жертвы Перуну на жертвенный камень обычно клали угощение для сорок.

³⁵ **Тул** – обычно берестяной или кожаный цилиндр для хранения и переноски стрел для лука. Колчан пришел в славянские земли с Востока и появился в обиходе воинов не раньше XVI века.

³⁶ **Волкодлак** (по-старинному), иначе волколак – оборотень. Легенды о волкодлаках распространены среди всех народов Европы. Достаточно вспомнить французского Loup-garou или немецкого Wehrwolf. Но только в русском народе отношение к волкодлаку было неоднозначным. Волкодлак мог быть и отрицательным, и положительным героем. В русском эпосе неоднократно витязи обращаются волком, отправляясь на разведку («Былина о волхве Всеславиче», и др.).

волков трудно будет, потому что разум человеческий в ней остался. Такое порой, Всеведа сказывала, случается... Бедная...

– И так может стать... – согласился Живан. – Не знаем мы, кто она была, зачем в звериный вид пошла, потому трогать не надо... Убери лук, десятник... Может статься, что стрела тебе сегодня еще сгодится... Так я после этой встречи чувствую...

А волкодлачка чуть вперед подалась и лапой махнула, словно что-то показала.

– Вот... Общается... Беда где-то? – продолжил разговор Живан.

Волкодлачка опять лапой махнула.

– Жалко, речь ты человеческую потеряла, а я волчью не приобрел еще... Не могу тебя понять, говоришь ты или просишь... Извини, торопимся мы... Приходи позже... Если с добром придешь, с добром приму, пообщаемся... Я домой тебя пущу, покормлю...

Волкодлачка голову печально опустила и яркий язык высунула, словно расстроилась, что не понимают ее люди. Десятник повернул коня, но с места не тронулся, ожидая, что волчица еще что-то попытается ему сообщить.

Велемир посмотрел на сотника, на десятника Живана и лук со стрелой убрал. Сотня сразу же двинулась дальше, и только Живан еще некоторое время так и стоял против кустов, но потом и он, не желая в одиночестве против волкодлачки оставаться – все-таки жутковато это было, – развернул коня и упругим усилием догнал последних. Что ни говори, а оборотень есть оборотень, и неведомо никому, что у него на уме.

– А как, скажи-ка, Овсень, волкодлаком насовсем стать-быть можно? – придерживая лося, спросил стрелецкий десятник, зная, что сотник, как и сотенный десятник Живан, знаток всяких житейских премудростей. А уж умение общаться с оборотнями или с нелюдью молодой десятник считал премудростью именно житейской и во многом необходимой каждому, чтобы не попасть при случае впросак. Если оборотня еще можно назвать редкостью, хотя и не слишком уж неведомой, то нелюди вокруг человеческих селений и внутри них невесть сколько водилось, и не вся безобидная да добрая, как домовушки. И общаться с нею следует уметь каждому. Без этого не прожить...

– Просто... – кашлянув в кулак от запаха дыма, от которого уже в горле сильно першило, ответил Овсень. – Как волкодлаком становятся? Слышал?

– Не слышал... Заговором каким-то?

– Просто, – повторил сотник, – если со знанием... Находят в лесу гладкий пень, втыкают в него с заговором нож, потом через пень кувыркаются, и все... Чтобы в человеческий облик вернуться, надо волку снова заговор мыслями прочитать и назад перекувыркнуться. Но вот беда какая, если кто до этого нож из пня вытащит, значит, все... Заговорное тело разорвано, волкодлак так и останется волком с человеческим умом³⁷... И всю жизнь будет между волками и людьми болтаться, ни там ни сям не принимаемый. Оттого в тоску-отчаяние впадает и опасным становится.

– А кто ж нож-то тот вытащит?.. Зачем?.. – спросил Велемир.

– Кто по злобе, кто по добру... Кто знает, зачем человек этот волкодлаком становился... Случается, что со злобы, чтобы досадить кому-то... А человеку не нравится, что ему досаждают... Вот нож и вытаскивает... Потом, нелюдь всякая любит такие штуки устраивать. Нелюдь лесная вообще любит ножи воровать... Домашним ножи без надобности, а лесным кстати... Им все, что блестит, нравится, как сорокам... Потому и любят. Особенно лешаки... Уснешь в лесу, запросто без ножа проснешься... Всякое быть может... И со мной смолodu раз бывало... На берегу уснул, а водяной нож украл. Потом, позже уже, лешак пытался. Так я ему лапу липкую начисто отрубил...

³⁷ Толкование С. В. Максимова из книги «Нечистая, неведомая и крестная сила».

– А потом вернуть волкодлака в человека можно? – все не унимался десятник, и непонятно было, почему его так интересует эта тема, вроде бы совсем от него и от его забот далекая.

– Только если нож найти... Тот самый, что украли... И с тем же заговором в пень воткнуть... Пень уже любой выбрать можно. Но заговоры у каждого ведающего свои могут быть. Могут быть и одинаковые, а могут быть свои. И потому чужой заговор не сработает. Одно слово сказать не так, и из волка в медведя превратиться можно...

– Разведка гонит... Случилось, никак, что-то... – раздался предупреждающий голос со спины. – Очень уж спешат...

Уже по частому стуку копыт нетрудно было понять, как торопится высланная Овсеньем разведка. А скоро разведчики и сами из-за поворота дороги появились в облаке тяжелой коричневой пыли. И остановились, круто разворачивая тонконогих коней, только перед сотником.

– Что в остроге? – строго спросил Овсень, уже понимая, что недобрые вести могут быть только оттуда, хотя разведка вернулась слишком быстро, чтобы до самого Куделькина острога добраться. Но весть можно было получить, и до самого места не доскакав.

– Нет больше острога... – прозвучал короткий ответ.

– Пожар? – тревожно спросило сразу несколько голосов.

– И пожар тоже... Урмане напали... Все пожгли, всех перебили... Нет почти никого живого... Мы только девочку встретили. В лесу пряталась. Под матерью убитой. Мать ей сказала, что урмане. Сама девочка не знает... Больше никого не нашли.

– Девочка где?

– Вытащили ее... Вся в материнской крови. Велели в острог идти. Обещали скоро прибыть...

– У-у-у... – кто-то взвыл в середине строя почти по-волчьи. – Урмане, дикари проклятые, всех бы их, воров, под корень вырезать...

И металл коротко ударился о металл. Должно быть, кулак в металлической рукавице о ладонь, скованную такой же рукавицей – зло, как меч о меч.

Овсень не погнал своего лося сразу вперед. Он всегда вдумчивым был. И потому сначала назначил пару воев в охрану лосиных волокуш с годовой данью и только после этого, осмотревшись, дал команду:

– Погнали, стало быть... Конные вперед. Кого найдете, помощь оказать. Собирать всех вместе, чтоб друг дружке помогали.

Торопились все, и строй, которым обычно ходила сотня по лесным дорогам и тропам, не соблюдали. Десятки смешались, чего обычно не допускалось. И Овсень ни на кого не прикрикнул. А сотня сразу разделилась на две группы. Меньшая, состоящая из всадников на лошадях, оторвалась и ушла вперед резко. Большая группа скакала в соответствии с той скоростью, которую могли развить тяжелые лоси, предпочитающие бег размеренный, хотя и размашистый.

И никто не увидел, как следом за растянувшейся кавалькадой воев легкими скачками, обогнув по дуге воев и лосей у волокуш, бежит кудлатая и по-летнему облезлая, рыжеватая волчица, только что едва-едва избежавшая стрелы не знающего промаха стрельца...

* * *

Черное пепелище, болью и страхом остро пахнув на сотню, надавив на людей тяжким грузом отчаяния и утраты, лежало на высоком и крутом со стороны реки берегу, откуда всегда был широкий и просторный обзор, создавая ощущение чего-то непривычно плоского, низменного, и только каменные или, чаще, глиняные печи с редкими трубами, а больше без

труб, потому что большинство домов топилось, как в старину, «по-черному», возвышались среди догоревших и только чадающих останков Куделькиного острога.

Основная часть воев, подчиненных Овсеню, была семейной, и семьи их при отъезде сотни оставались здесь под надежной, казалось бы, охраной высоких стен и трех десятков не менее надежных в бою княжеских дружинников, хорошо вооруженных и закованных в тяжелую броню и потому не больших любителей путешествовать по лесным и горным тропам. Зная это, Овсень, отправляясь в дальний перегон, обычно и не брал дружинников с собой, предпочитая вместо них, таких видных собой и солидных, своих проверенных воев, да и боев во время годового похода по сбору дани обычно не бывало. Сирнаны покорены давно, народ они не разбойный, и дань не так тяжка, чтобы за нее лишаться жизни. Все вопросы можно мирно решить, да Овсень и сам всегда умел мирно со всеми договариваться. Потому и ездил спокойно. А княжеские дружинники на охране острога, проезжей и речной дороги были как раз к месту и сидели здесь прочно, как весомые скалы. Да и самих дружинников такая служба устраивала, кажется, куда как больше, чем беспокойные лесные скитания.

Но сейчас на пепелище, если смотреть издали, с подъезда, не видно было ни оставшихся в живых жителей, ни дружинников в привычно звенящих кольчугах и прикрытых тяжелыми щитами. Никто не бродил среди останков домов. Однако Овсень хорошо знал, что даже при самом страшном нашествии врагов не бывает так, чтобы всех перебили. Всегда кто-то, да останется – кто убежит, кто в норе какой отсидится и не скоро выберется от неподъемного, как кованая цепь, сдерживающего страха. И сотник, чтобы узнать быстрее подробности происшедшего, сразу определил несколько молодых воев из тех, кто своим домом не обзавелся, а родительский дом имел на стороне, и рукой махнул:

– Искать, кто есть... Женщины с детьми могли в лес убежать... Раненые могут среди пожарищ валяться... Искать... Все в округе обшарить...

А сам, даже не спешившись перед уже не существующими воротами, направил по обгоревшему, но уцелевшему бревенчатому мосту через ров своего рослого лося Улича к тому, что от его собственного дома осталось. Лось, хорошо знавший дорогу ко двору, в этот раз не понимал, куда ему идти, и Овсеню приходилось править, подтягивая вместо повода то один, то другой конец черенка боевого топора, что так привычно лежал на рогах лося. Тем более лесной великан, даже прирученный, все равно боялся огня и потому по свежему пожарищу вышагивал с неохотой. Одновременно, не дожидаясь разрешения, придавленные бедой и естественной тревогой за своих близких и другие вои разъехались в разные стороны – на свои печи взгляд бросить, увидеть, что от домов осталось.

Останки дома встретили сотника звоном в ушах. Привязать поводья Улича было уже не к чему, потому что резная в орнамент коновязь, собственными руками Овсеня сооруженная, сгорела вместе с дворовыми воротами, хотя очертания двора, как и дома, остались, четко очерченные головешками. Овсень просто отпустил поводья и похлопал беспокоящееся животное по сильной шее. Лось в ответ трижды руку лизнул и голову опустил, роняя лежащий на рогах боевой топор. Но сотник, погруженный в свои беспокойные мысли, даже не заметил этого, и топор не поднял, и вошел в то пространство, что было когда-то его двором и домом. А чьим стало сейчас и чем стало, он сказать самому себе не решался, но в глубине души боялся, что это место стало погребальным костром его жены и дочерей.

Первое, что он начал искать, чтобы или успокоить себя, или в гневную скорбь-печаль погрузить, это остатки человеческих тел. Но ни обгорелого тела жены, ни обгорелых тел юных дочерей не увидел. Стало хотя бы немного легче дышать, и подступивший было к горлу жесткий ком обмяк, стал лучше воздух в грудь пропускать. Значит, оставалась надежда, что спаслись. Жена сотника Всеведа не зря такое имя носила. Она унаследовала от своей бабки, волховницы капища Лады, много знаний, ведала, что на земле людей и вокруг нее, в мире не человеческом, творится, и иногда даже будущее предсказывала. Зна-

ния свои Всеведа черпала из старинной книги с листами из тонкой телячьей кожи, написанной древним славянским трехрядным письмом, где верхняя часть каждой буквы означает навь, средняя правь, а нижняя явь³⁸. Сам Овсень эту письменность так и не освоил, обходясь простым и доступным славянским руническим письмом³⁹, знание которого при его службе было необходимо. Да и без необходимости руны знали многие вои просто потому, что это казалось нужным их родителям, а трехрядное письмо было доступно единицам. И потому сотник о знаниях жены имел понятие смутное, но верил он в эти знания непоколебимо. Ей дано было многое. Может, потому и была Всеведа так печальна, провожая мужа в этот поход, что чувствовала приход беды? А не предприняла каких-то мер, не стала ничего мужу говорить по причине, Овсеню, со слов жены, тоже известной. Предсказать можно многое, но предсказание сбудется не обязательно, потому что боги оставляют людям право выбора, и все последующее зависит от правильности предыдущего человеческого выбора, и даже от выбора других людей, порой даже незнакомых и вообще живущих вдалеке, может быть, даже в чужой стороне. Поступит знакомый человек или посторонний определенным образом, и тогда колесо судьбы закрутится в одну сторону, поступит тот или другой иначе, у колеса тоже есть выбор, куда вращаться. И критерий поступка чаще всего может быть только один – человек должен с честью и разумом человеческим считаться, тогда все должно пойти правильно. Хотя это тоже не обязательно, потому что у разных людей понятия о чести и о человеческом разуме разные. А однозначные предсказания, если сбываются, то редко. И трудно порой понять, однозначно ли поведет себя судьба или даст человеку возможность выбора.

Есть еще много тонкостей в предсказаниях, о которых Всеведа мужу говорила. И главная из этих тонкостей, способная самое страшное предсказание отринуть – жизнь по законам прави. Когда человек живет по прави, то есть по законам, богами установленным, он под защитой богов находится, и на него не распространяется сила предсказаний. Правь сильнее всего на свете, потому что она сама является частицей божественной воли.

Но беда пришла, и неизвестно, кто и как поступил, кто законы прави нарушил, и почему такую страшную, всеобщую беду не удалось предотвратить. Однако Всеведа могла эту же беду и острее почувствовать, и успеть спрятаться, пока еще спрятаться было время, могла и других за собой увести. Поэтому необходимо было искать следы.

Да, пока тел не нашлось, надежда была жива! Нельзя унывать, потому что уныние надежду убивает и рвет связующие нити, которые могут ищущего на правильный путь вывести. А как вести себя, об этом следовало еще подумать и решение найти правильное. Для сотника этот вопрос был сложным еще и потому, что он был здесь не один, и не только о своей семье должен был думать. Он отвечал за людей своей сотни, которые попали в ту же беду, что и он сам. И их бросить нельзя. И они тоже будут искать своих родных. И обязанности сотника следует совместить с обязанностями отца семейства, мужа и отца, защитника своего дома. И потому даже сейчас нельзя уехать в поиск следов одному. Но скоро все соберутся, и решать придется вместе, вместе придется искать следы.

Пройдя посреди остатков стен, Овсень и вокруг дома обошел, вернее, вокруг того, что от дома осталось. И только после этого присел на корточки рядом со сгоревшей скамьей, где раньше так хорошо было посидеть на тихом слегка ветреном закате, глядя в багровое небо и вдаль, за реку через острожный тын, который холм прикрывал по нижней границе и потому был ниже дворовых заборов ряда верхних домов.

³⁸ Расшифровку древнего трехрядного славянского письма провела современная исследовательница Марта Безлюдова. Некоторые исследователи утверждают, будто есть основания полагать, что к славянам это письмо пришло от их предков ариев-гипербореев. Явь – окружающий нас мир, навь – загробный мир, правь – законы мира.

³⁹ Расшифровка славянского рунического письма произведена современным российским исследователем Антоном Платовым, доказавшим, что это самостоятельное письмо, отличное от скандинавских и германских рун, хотя и созданное по одним принципам.

Вместе с болью и горечью, теперь уже прочно осевшими в горле запахом гари и помехой при дыхании, нахлынули воспоминания. Четыре громадных тяжелых камня, вкопанных в землю – углы его дома, столбики, как звали их в народе. На них когда-то ставил свой сруб сотник Овсень. Как сейчас помнилось, катили эти камни издалека. Десять дней катили вместе с добровольными помощниками, меняя постоянно ломающиеся палки, которые использовали как рычаги, сменяя один другого, потому что поднять камни было невозможно, и не было телеги, чтобы выдержала такой груз. А катить-то приходилось высоко на холм, хотя не по крутизне обрыва, а с другой, пологой стороны. Сейчас камни почернели, покрылись сажей, но остались на месте и даже не растрескались от огня, а вот избы, что на них стояла, уже нет.

И печь стоит... Тоже почерневшая, уже неживая, принявшая тепла больше, чем смог вместить сам дом... Печь глиняная, битая... Руки сотника ее на ощупь помнили... Сначала делался плотный деревянный каркас для печи, потом в нем глину взбивали. Из каркаса глина никак не выползала и позволяла взбить себя до такого состояния, когда она напоминала сметану. Позже, когда глина высыхала, печь просто растапливали, внутренний каркас сгорал, а глиняная печь оставалась. Внешний каркас снять было не трудно.

И пол в избе Овсень делал не земляной, как у многих, а деревянный⁴⁰. Много времени потратил, когда старательно тесал доски, пальцами и щекой проверяя гладкость обработки, но пол получился славный, ровный и теплый. Все он здесь своими руками делал и все на ощупь помнил. И верхние полки, как положено в «курной»⁴¹ избе, на стены сажал плотно, без щелей. Сажа от печи по стенам сваливалась, но сваливалась не на пол, а на полки, откуда ее легко было смести в одну посудину. А под эти полки уже вешались полки для кухонной посуды, и посуда, прикрытая сверху «сажной» полкой, всегда оставалась чистой...

* * *

Так бы долго просидел Овсень, погруженный в воспоминания, если бы не отвлек его раздавшийся за спиной тихий, похожий на детский, плач. Сотник резко обернулся и увидел безобидное и доброе существо Извечу, домового из своего дома и большого друга дочерей, которых нелюдь когда-то укачивал в колыбельке на ночь, а потом водил за руку по дому, обучая ходить. Извеча и телом был бы похож на ребенка, если бы не крупная волосатая голова, почти как у взрослого человека. Ну и заросшее бородой лицо не давало усомниться в возрасте.

Извеча стоял между сотником и погорелым домом, скрестив на животе короткие руки. Крупные, каких у людей никогда не бывает, и блестящие, переливчатые, как самоцветы, скатывались слезы из глаз домовушки и по усам сползали в округлую, чуть не в ширину узкой груди бороду.

– Слава богам, хоть ты уцелел... – тихо сказал сотник с надеждой в голосе. – Где мои?..

⁴⁰ Некоторые полуграмотные горе-специалисты по русской истории утверждают, что пилы на Руси появились чуть ли не в семнадцатом веке. И даже утверждают безапелляционно, как сделала это телепередача «Поле чудес» на первом общероссийском телеканале. О том, когда появились пилы, говорят результаты археологических раскопок. По крайней мере уже в восьмом веке они существовали, причем в разных видах, в зависимости от выполняемых работ. Но славянские плотники даже штраф платили, когда их заставляли работать пилами, однако все равно предпочитали топор. Все дело в ответственности за свою работу и в том, что после работы с топором поверхность древесины оставалась гладкой и отталкивала влагу. А после обработки пилой оставалась ворсистая поверхность, через которую влага и гниение легко проникали в дерево. Кстати, по тем же принципам отказывались от пил и древние скандинавы, только они не умели так виртуозно работать с топорами, как русичи, и потому делали доски, раскалывая бревна с помощью клиньев по всей длине. При этом структура досок также оставалась гладкой и не впитывала влагу.

⁴¹ «Курная» изба – та, что топится «по-черному», то есть без трубы, выходящей наружу.

– Я, дядюшка Овсень, не знаю, – ответил домовый. – Я под печью в подполе прятался. Выйти боялся. Тебя слышал вот, сначала тоже испугался, потом шаги узнал и вышел...

Овсень несколько раз кивнул, положил руку подошедшему ближе Извече на плечо и сказал серьезно:

– Не плачь, дружище, мы с тобой мужчины, мы плакать не должны...

– Ночью, я слышал, много домовушек плакало... Особливо семейные, у которых домовят полно... Куда им теперь с домовятами... Но я не вышел к ним, я боялся...

– Когда все случилось?

– На вторую ночь... Я уже вторую ночь плачу и второй день тоже. Слез, думаю, совсем мало осталось, а все одно плачу не переставая... И сколько плакать-то еще... Сколько плакать... Домовушки, если без дома останутся, плачут, пока не умрут... Ты же знаешь... Тетушка Всеведа тебе говорила, я помню...

– Не плачь, я же тебе сказал, не то осерчаю... Не ты один дом потерял. Я тоже... И с женой, с детьми не знаю что... Я же не плачу...

Извеча вздохнул обреченно.

– У тебя, дядюшка Овсень, уже был и другой дом, и этот ты построил, и еще другой будет, а у меня только этот, и ничего больше. Кто я теперь? Не бывает домового без дома... Домовым без дома только плакать и остается до конца жизни. Еще лет так с тридцать проплачу, потом помру...

Извечу по просьбе Овсеня уже взрослым призвал из духа деревьев, из которых дом строили, волхв Велеса, что приезжал в острог с далекого лесного капища. Извеча явился и всем по душе пришелся. Хотя он всегда, конечно, как всякая нелюдь, чувствовал свое одиночество среди людей. Но, со слов жены, знающей о жизни нелюдей много, и сотник тоже знал, что Извеча сможет жить только в том доме, из деревьев которого он сам сотворен. И потому, сразу найдя решение, сказал твердо и домового своей уверенностью поддерживая:

– Возьми мой нож, найди головню от стены, уголья срежь, а внутри древесина будет. Вырежь чистый кусок и побереги. Найдем моих родных, построим мы новый дом, и кусок этот в стену заложим. Тогда и ты в новом доме домовиничать будешь с полным правом, потому что там будет кусок твоего первого дома. Я не брошу тебя, слово сотника! А из бревен нового дома волхв призовет тебе домовиху. Будешь семьей жить, чтоб скучно не было, и домовят себе полный подпол заведешь. Я разрешу... Понял меня?

Слезы сразу прошли. Маленькая нелюдь, настроение которой могло меняться стремительно, схватила протянутый ему нож и бросилась к остаткам стен, над которыми местами еще дымок вился. И уже через миг вверх и в стороны полетели уголья. Извеча старательно строгал полусгоревшее бревно.

Счастливы нелюди, что верят людям и могут так вот от одного слова забыть про горе и переключиться на радостную надежду. Если бы еще и люди научились собственному слову верить слепо!.. Тогда жить стало бы куда как легче. Но верить своему слову – это, в то же время, значит верить богам и полагаться на их волю. Всем уметь это нужно, но мало кто умеет. Даже волхвы, и те порой в сомнение впадают, а оттого и сами в свои слова верят не всегда. Всеведа говорила, что это, наверное, и к лучшему, потому что человек, чье каждое слово исполняется, может пожелать целым миром править. А править миром с человеческим умом невозможно. Даже знаний человеку не хватит, чтобы все одним взглядом охватить и все последствия своих слов осознать. И лучше даже, что люди верят не до конца. А как бы хотелось сейчас верить в свое слово и сказать это слово...

Овсень вздохнул...

* * *

Со стороны слышались тяжелые звуки лосиной поступи. И великан Улич, ждущий там, где оставил его Овсень, тоже начал переступать широченными копытами, под которыми звучно хрустели уже остывшие угли. Овсень встал. К нему направлялся, ведя на поводу своего Верена, стиснувший зубы и возбужденно красный, словно только что из баньки вышел⁴², десятник стрельцов Велемир. Овсень хорошо знал, что люди, которые краснеют от возбуждения, хороши в бою. Те, что бледнеют от гнева, обычно трусоваты, и в сотню к себе таких он старался не брать. Велемир всегда легко в краску бросался. И в бою всегда был хорош, хотя не всегда умел собой владеть. Но это, как думал Овсень, от молодости, и с годами может исправиться. А если не исправится, то уже дело сотника поручать парню только такие дела, где он сорваться не сможет. Главное, чтобы не сорвался раньше времени и жизнь не потерял, как часто случается с молодыми...

Молодой десятник, оказавшись рядом, сначала взглядом ошупал пепелище и при этом болезненно морщился, ожидая, видимо, что-то увидеть, что может ударить его в дополнение к уже полученному удару, потом только, оставив повод лося свободно свешенным, подошел к Овсеню. Лося – животные умные, они беду чувствуют и не уйдут от людей в такую пору, потому как боятся, что беда общая и на них перейдет. Тем более, когда остались вдвоем, будут спокойно людей ждать, привычно устало опустив рогатые головы. А как их не опустишь, когда на голове такую тяжесть в виде рогов носишь – одновременно и украшение, и оружие...

– Своих, стало быть, не нашел... – уже по лицу понимая ответ, сказал все же Овсень.

– Никого... Живых... Отец с матерью убиты... Сгорели со стрелами в груди... Стрелы и правда похожи на урманские. Такие крылатые наконечники куёт урмане да свеи... Луки слабоваты, так надеются, что наконечник сильнее ударит... А сестренку с братом не нашел. Или сбежали, или в полон погнало...

Сказанное десятником было давно известно... Дикие урмане или шведы, если нападали на селения или укрепления бьярминских русов или стойбища сирнан, что время от времени случалось, детей и молодежь обычно уводили в плен, чтобы продать в хазарское, чаще всего, рабство. Иногда и дальше продавали, в Хорезм или в Византию, откуда к скандинавам тоже прибывали работоторговцы. Для них молодые люди тоже были добычей, на которой можно хорошо заработать. Людей постарше, которым жить осталось недолго, или убивали, или калечили без всякой жалости, чтобы не надумали потом отомстить. И это вызывало волну гнева против всех скандинавских дикарей, и потому при каждом нападении полуночных незваных гостей жители и воины стремились драться до последнего издыхания, ни на что не надеясь. В коренных землях русов и словен были города, там добыча была и другая. В Бьярмию же отправлялись обычно только за пленниками. Укрепления, имеющие рати, как правило, умело отражали все нападения и могли большей частью прикрыть селения людей не ратных, что находятся поблизости. Дальние же селения и стойбища были судьбе и Родомыслу⁴³ предназначены. Но и это случалось тогда, когда дикари приходили недостаточными силами, и княжеская рать оказывалась вовремя на месте. В этот же раз, наверное, и силы дикарей были значительными, и так получилось, что сотник Овсень со своей сотней задержался в походе по сбору дани. Впрочем, не исключено, что урмане располагали данными и именно за этой данью и прибыли. Иначе почему же они сразу напали на Куделькин острог,

⁴² Когда в славянских землях появились бани, не знает никто. Но еще в преданиях о странствиях святого апостола Андрея Первозванного рассказывается о том, как он, посетив в первом веке новой эры северных славян, парился у них в бане, и хлестали его при этом дубовым веником, что вовсе не пришлось апостолу по вкусу.

⁴³ **Родомысл** – бог мудрости, «предназначен Родомыслу» – то есть сам должен думать, как спастись.

где могли встретить серьезное сопротивление. Могли бы и по более беззащитным стойбищам сирнан пройтись.

– Дружинников не видел? – спросил сотник.

Велемир вздохнул и кивнул в сторону.

– Четверых убитыми нашел. Двоих по дороге к дому, рядом друг с другом, двоих по дороге сюда, по отдельности дрались. Должно, и остальные где-то... А... Ты, сотник... Добряна?..

Суженая его, конечно, больше всего интересовала, и Велемир уже видел, что человеческих останков среди пожара не видно.

– Нет следа... Может, в лес они ушли... Всеведа могла вывести... Она многое может...

– Извеча что говорит?

– Говорит, что прятался и плакал. Больше ничего не говорит. И сейчас плачет. И строгаёт дощечку для нового дома, чтобы мочь в нем поселиться.

– Зачем дощечка? – без интереса спросил десятник, занятый больше своей бедой, чем бедой нелюдя. – Какая дощечка?

– От его дома... Иначе в новом доме места ему не будет. Там свой домовый заведется, а нашего дружочка куда ж?... Я велел дощечку обстрогать... Новый дом отстрою, его возьму...

– Ты отстроишь... – уверенно сказал Велемир. – У тебя имя такое⁴⁴...

Славяне всегда считали – как назовешь человека, так он и жить будет. Назовешь его Неудачей, он и будет неудачником, назовешь Победой, он всегда и во всем побеждать будет. Потому всегда вдумчиво относились к подбору имени своему ребенку. Какую судьбу ему прочили, такое и имя выбирали.

– Отстрою... И с именем, и без имени... – Овсень говорил упрямо и твердо, словно из слов каменную прочную стену выкладывал. – Не лишат дикари меня дома. Не позволю им на моей земле власть иметь. Здесь мы хозяева.

Десятник Велемир не первый год наблюдал сотника, хотя не всегда умел его понять.

Внешне Овсень был спокоен и невозмутим, что в бою, что в походе, что в других испытаниях. Хотя никто и никогда не понимал, что творится у того в душе, потому что не любил сотник открывать свою душу перед посторонними людьми, и многие даже считали Овсенья то ли равнодушным и холодным, как лягушка, расчетливым человеком, то ли просто наполовину спящим и ленивым. Но сам-то сотник хорошо знал, что в действительности ему в сложные моменты хотелось что-то срочно делать, куда-то бежать, кого-то искать, бить, ломать, крушить, может быть, бороду себе рвать клочьями. Но он, с одной стороны, не любил открываться перед посторонними и показывать свои эмоции, с другой – понимал, что вои сотни на него будут смотреть и вести себя будут, как он. И находил в себе силы все внешнее спрятать за маской спокойной невозмутимости. Сейчас, когда время тяжелое не просто подступило, а на голову свалилось, только он может подать всем пример самообладания. И он этот пример подавал и всем, в том числе и Велемиру, показывал, что духом падать нельзя.

– Двое суток прошло... Груженные ушли, плывут медленно. Догнать не сможем? – спросил десятник, бросая взгляд в сторону реки.

– До моря на веслах четыре дня хода. Два они проплыли, через два там будут... Может, пять, если не торопятся и не боятся погони. Скорее, пять, потому что и пленниками гружены

⁴⁴ **Овсень (Авсень, Усень, Таусень)** – в славянской мифологии Овсень почитался нашими предками как божество, погибающее осенью, но восстающее из пепла и возжигающее после долгой северной зимы солнечное колесо, и дарующее миру свет вместе с весенним обновлением всей природы. Олицетворял возвращение к жизни после тягот и холодов зимы. Считался радостным божеством, которое не сломить испытаниями. Ритуал Овсеня праздновался на Руси до того, как был введен ритуал празднования Масленицы со сжиганием чучела Зимы (Костромы), и был в чем-то аналогичен первому, но более соответствовал языческим обрядам, хотя Масленицу полностью христианским обрядом тоже назвать трудно. Божество Овсеня не следует путать с месяцем овсенем славянского календаря, соответствующим астрологическому знаку Скорпиона. Месяц овсень – предзимний, когда это божество погибает, чтобы весной воскреснуть.

тяжело, да и воев больше, чем гребцов... Ладью нашу спалили... Даже если новую ладью случаем скоро найдем, мы на два дня опоздаем. Где их в море искать? А по берегу до моря гнаться – болота, завязнем вместе с лосями... Как догнать? Думать будем...

Сотник и здесь рассуждал здраво, принимая на себя ответственность за решения.

Велемир вздохнул. Не стараясь даже подавить свой вздох или хоть как-то спрятать. Он по возрасту и по характеру хотел что-то уже совершить, предпринять немедленно. Но Овсень опять сдерживал его порывы...

* * *

Лошадиный топот приближался со стороны восходного⁴⁵ леса.

– Скачет кто-то... Должно, с вестью... – Велемир с надеждой поднял голову навстречу звуку.

Любые вести означали для молодого воя возможность действия, а только в действии он мог сейчас забыть о случившемся несчастье, только в собственной активности мог найти утешение.

Всадник из тех, кого Овсень отправил поискать беглецов, скакал без дороги, напрямки, но так, чтобы на окружную дорогу в нужном месте попасть. И попал правильно. Лошадь проскакала через уцелевший мост восходных, обычно закрытых ворот, легко преодолела остатки сгоревшего тына, быстро миновала пепелища нескольких дворов и домов и без остановки принесла гонца на высшее в остроге место, сразу к дому сотника.

– Нашлись... Есть люди... – сказал гонец, переводя сбившееся дыхание так, словно не лошадь его несла, а он лошадь. – Убежали... Женщины, дети, старики, одного раненого дружинника вынесли... Человек около двадцати всего...

– Моих... – начал было сотник.

– Не видел. Меня десятник сразу послал. Сказал на словах, и все... Я сам никого не видел... И еще... Урмане разделились. Три «дракона»⁴⁶ уже уплыли. Большие... Пленников туда загрузили. На веслах ушли по течению, но против ветра. А сотни полторы воев пешим ходом вдоль реки двинулось вверх по течению... Про нас раненых спрашивали, перед тем как добить, нас искали...

– Выше по течению жилых мест нет. Там им дела не приготовили. А нас искали... Это хорошо... Кто ищет, тот всегда найдет... – сказал Овсень и вдруг сообразил. – Не нас искали, а рассчитывали годовую дань захватить. Знали, зачем сюда шли. А мы ненароком в пути задержались. Собирайте сотню. Выступаем срочно. Они там...

– Я посмотрю, кто в лесу остался! – сказал Велемир, взяв уже за повод своего лося Верена, и сотник его естественное желание понял. Но он сам умел собственные желания общему интересу подчинять и от других того же требовал.

– Не время, десятник... Все потом увидим...

Он умышленно назвал его не по имени, а по должности, как редко звал, то есть об ответственности напомнил. Велемир лицом вспыхнул, но смиренно и согласно голову опустил. Когда враг рядом, собственные заботы забудь! Это была истина. Хотя давалось такое и с болью.

– Добрыня... – только и напомнил Велемир едва слышно.

⁴⁵ **Восходного** – восточного.

⁴⁶ На Руси скандинавские драккары часто звали «драконами», должно быть, за изображения драконов, украшающих у драккара нос, и драконий хвост, украшающий корму.

– Я сам посмотреть хочу, и тебе она не дороже, чем мне, но времени нет. У нас груз еще из леса не вышел. Оставили, как специально, для урман... Собрать всех! Оружными... Наш груз – заманка для них... Вот у груза за все и рассчитаемся... За все и за всех... К оружию!

* * *

В сердце опытного сотника ни на минуту не мелькнуло тени сомнения в своих силах, хотя он имел в своем распоряжении только легкую сотню воев. И даже не из княжеской дружины, с детства обученной держать в руках оружие и стоять строем в самой лютой сече, сомкнув щиты и так поддерживая друг друга, а набранных им среди охотников, следопытов и первопроходцев этих диких земель. Конечно, все они люди с характером, все они за себя и за свои семьи постоять могут. Да и урманы тоже в поход идут, надо полагать, не лучшими силами, не с прославленными в боях бойцами, а с тем отребьем, что по прибрежным викам без дела мотается, часто ни кола ни двора не имея. Хотя и вообще все дикие скандинавы, как считал Овсень, сплошные разбойники и убийцы, к разбою и убийству с детства привычные, а вовсе не настоящие вои, которых уважать следует. Это они себя воями зовут, но возвращают в себе культуру убийц, не видя разницы между убийцей и грабителем – и настоящим воином. Они привыкли сразу руку тянуть к тому, что схватить можно, и даже гордятся тем, что, своего не создавая, ничего не строя, чужое стремятся захватить. Не случайно, говорят, в их стране городов и городищ почти нет, что строить они не обучены и не любят этого. Пакостный, одним словом, народец эти скандинавы, и уважать их не за что. Но и драться с урманами, понимал сотник, тем более, настолько превосходящими в численности, не просто. И все же Овсень, чувствуя свое отчаяние и свою решимость, свое желание отомстить и, если возможно, защитить и вернуть своих родных, ощущая в руке такую свирепую силу и тяжесть, что даже мысленно уже разрубал ненавистного врага на две части, понимал, что точно такие же чувства испытывают и другие вои его сотни, чьи дома погорели, а с семьями неизвестно что случилось. И все драться будут один за семерых, и нет силы, способной остановить справедливый гнев. По крайней мере у скандинавов нет такой силы. А уж духа воинского, тем более, им не хватит. Дух там живет, где дома и семьи. А дикий разбойный дух против духа чести и справедливости мало чего стоит. Такая сила, что могла бы сейчас сотню остановить, только у богов может быть, но боги всегда на стороне справедливых, потому что они мир справедливым создавали, и только люди в жадности своей справедливость извратили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.